

Подлинная история Руси

АПОЛЛОН
КУЗЬМИН
ДРЕВНЕРУССКАЯ
ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Подлинная история Руси

Аполлон Кузьмин

Древнерусская цивилизация

«Алисторус»

2013

Кузьмин А. Г.

Древнерусская цивилизация / А. Г. Кузьмин — «Алисторус»,
2013 — (Подлинная история Руси)

Аполлон Григорьевич Кузьмин (1928–2004) – историк, публицист, общественный деятель. Автор работ о происхождении Древней Руси. Занимал позиции антинорманизма. Этот яркий ученый, обращаясь к самым острым вопросам русской истории, умел находить в них ранее незамеченное, убедительно отстаивал подлинность «Слова о полку Игореве» и «татищевских известий» в «Истории Российской с самых древнейших времен» В. Н. Татищева. В данной книге А. Г. Кузьмин дает ответы на спорные вопросы в начальной истории Руси, при этом он особое внимание уделяет дискуссии между норманистами и антинорманистами.

© Кузьмин А. Г., 2013

© Алисторус, 2013

Содержание

Введение	5
Глава I	9
1. Система ценностей и исходных принципов	10
2. Итоги трехвекового спора	22
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Аполлон Кузьмин

Древнерусская цивилизация

Введение

Тысячелетие назад, в конце X в., один из первых русских летописцев посвятил специальный труд – «Повесть временных лет» выяснению вопроса «откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача першее княжити, и откуда Руская земля стала есть». Здесь, видимо, впервые осмысливались предания былых времен, эпохи родоплеменного строя, когда песнотворцы и жрецы на собраниях соплеменников напоминали о давних предках и освященных веками обычаях. Кирилл Туровский в конце XII в. напомнит о том, что предания былых времен хранят летописцы и витии, а памятник того же времени «Слово о полку Игореве» – это золотое слово витиев, хранивших память о предках на протяжении целого тысячелетия.

В эпоху перехода от родоплеменных отношений к государственным, когда Власть все более отдалялась от Земли, неизбежно затрагивались интересы разных общественных слоев. В результате на свет появлялись разные версии происхождения того или иного народа. Ясно, что первый летописец придерживался какой-то одной версии, но в дошедших до наших дней летописях оказались неодинаковые и даже прямо противоположные решения вынесенных в заголовке вопросов. Возникали они, по всей вероятности, в разных общественных слоях и в разное время. Со временем же, когда притуплялась жгучая актуальность тенденций, позднейшие сводчики вносили эти версии в свои компиляции, в одних случаях пытаясь как-то их примирить, а в других (к счастью для исследователей!) и вовсе не замечая противоречий.

К этим позднейшим сочинениям относится и так называемая «Начальная летопись», которая удержала в заголовке древнее название «Повесть временных лет» и которую в литературе приписывают перу либо печерского монаха Нестора, либо выдубицкого игумена Сильвестра.

Летопись эта долго почиталась первоначальной, что и отразилось в ее традиционном названии. Это главный письменный источник по древнейшей истории Руси, и позднейшие исследователи, ссылаясь на него, жарко спорили, не замечая, что очень часто они лишь продолжали спор, начатый многими столетиями ранее.

История всегда была и будет наукой политической. И известный афоризм Бисмарка, что «войну с Францией выиграл немецкий учитель истории», имеет в виду не превосходство немецкой диалектики над французским позитивизмом, а пронизанную идеологической целеустремленностью немецкую науку над безыдейными французскими собраниями анекдотов. Особую же актуальность обычно приобретает изучение цивилизаций, имеющих непосредственных наследников. Начало Руси – это процесс формирования древнерусской народности и образования государства, оказавшего большое влияние на судьбы народов, населявших Центральную и Восточную Европу. И неудивительно, что изучение этой темы зачастую подогревалось и деформировалось прагматическим интересом. Достаточно напомнить почти трехвековую (продолжающуюся и поныне) полемику норманистов и антинорманистов. Очень часто учеными двигал собственно познавательный интерес, но крайне редко этот интерес противоречил общественным симпатиям автора, а социальное содержание принимаемой методологической системы чаще всего вообще не осознавалось.

В течение ряда столетий на значительных пространствах Европы взаимодействовали славяне и германцы. Формы их взаимодействия были самыми различными, но традиция сохранила представление о давней борьбе, в период же образования ранних славянских государств эта борьба обострилась вполне реально. Создавалось впечатление извечного противостояния

двух больших этносов: с VIII в. осуществляется германский «натиск на восток», в XVIII – XIX вв. реализуются давние стратегические цели России – овладение балтийским побережьем. Немецкие наследники Ливонского ордена оказались под властью русских царей, но новые подданные очень скоро приобрели права привилегированного сословия, а позднее стали опорой российского самодержавия. На царском дворе кормились захудалые графы и бароны из многочисленных германских княжеств. И чем значительнее были успехи русского оружия на поле брани, тем прочнее побежденные овладевали подступами к русскому трону. Именно в этой своеобразной обстановке складывалась норманнская теория – интерпретация летописного предания о призвании варягов в прогерманском духе.

Спор норманистов с антинорманистами, разумеется, не сводился только к этническим противопоставлениям. Но он велся почти неизменно с повышенной страстностью, даже если страсть порождалась просто жаждой истины, – на построениях ученых могли сказываться и методологические установки, и их специализация, и круг источников, отобранный из моря самых разнообразных и противоречивых свидетельств.

Разумеется, ученые не могут нести ответственности за выводы, кои из их разысканий иной раз делают политики. Но они обязаны учитывать, какие именно положения оказываются удобными для спекулятивных построений. В 30 – 40-е гг. прошедшего столетия норманнская теория была взята на вооружение германским фашизмом, и самым непримиримым апологетам аполитичности истории пришлось удостовериться, как якобы чисто «академические» рассуждения превращаются в отравленное оружие агрессии и геноцида. Сами вожди Третьего рейха включились в идеологическую борьбу, обнажая и пропагандируя некоторые важные положения норманнской теории. «Организация русского государственного образования, – писал Гитлер в «Майн кампф», – не была результатом государственно-политических способностей славянства в России; напротив, это дивный пример того, как германский элемент проявляет в низшей расе свое умение создавать государство... В течение столетий Россия жила за счет этого германского ядра своих высших правящих классов». Из этого «научного» анализа следовал и практический вывод: «Сама судьба как бы хочет указать нам путь своим перстом: вручив участь России большевикам, она лишила русский народ того разума, который породил и до сих пор поддерживал его государственное существование». К положениям норманнской концепции обращались и в публичных выступлениях. «Этот низкопробный людской сброд, – неистовствовал, например, Гиммлер, – славяне, сегодня столь же неспособны поддерживать порядок, как не были способны много столетий назад, когда эти люди призывали варягов, когда они призывали Рюриков».

Сказание о призвании варягов непосредственно цитировалось в пропагандистских документах массового назначения. В памятке немецкому солдату – «12 заповедей поведения немцев на Востоке и обращения их с русскими» – приводилась фраза: «Наша страна велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите и владейте нами». В аналогичной инструкции сельским управляющим (составленной за три недели до 22 июня) разъяснялось: «Русские всегда хотят оставаться массой, которой управляют. В этом смысле они воспримут и немецкое вторжение, ибо это будет осуществлением их желания: «Приходите и владейте нами». Поэтому у русских не должно оставаться впечатления, что вы в чем-то колеблетесь. Вы должны быть людьми дела, которые без лишних слов, без долгих разговоров и без философствования четко и твердо выполняют то, что необходимо. Тогда русские будут вам услужливо подчиняться»¹.

Работы, выдержанные в духе высказываний Гитлера и Гиммлера, появляются на Западе и в послевоенное время. Многократно на разных языках была издана книга Вернера Келлера «Восток минус Запад равен нулю». Не раз переиздавалась книга Ганса фон Римши «История России». С тех же позиций оценивалась советская историография в статье норвежского автора

¹ См.: А. Андерле. Из истории идеологической подготовки гитлеровской агрессии против СССР // ВИ. 1961, № 6. С. 85 – 95.

Хакона Станга. Но в целом норманизм на Западе стал тоньше, появились и некоторые работы антинорманистского плана.

Антинорманизм, утвердившийся в советской науке с конца 30-х гг., не мог, естественно, не считаться с практической стороной давнего спора. Полемика приобрела слишком острый характер, чтобы удержаться в научных рамках. Односторонний национальный нигилизм, преобладавший в нашей литературе 20-х – начала 30-х гг., оказывался несостоятельным перед лицом шовинистической эпидемии агрессора. Срочная же корректировка ряда важных идеологических положений не могла пройти без ущерба для науки. Исходным положением многих антинорманистских концепций стал тезис: «государство не может быть навязано извне», причем он раскрывался, как это будет показано ниже, неточно. В острой полемике спорящие стороны подчас оперировали разными фактами, причем их количество даже имело тенденцию к сокращению. Вместе с тем чувство протеста против расистских притязаний германистов иногда выливалось в возражения на том же методологическом уровне, возобновлялся (навязанный германистами же) спор столетней давности, кто «лучше»: германцы или славяне? Спор в такой плоскости невольно «закрывал» разные этнические общности, обособлял их друг от друга, вносил в процессы глубокой древности понятия нашего времени.

В советской историографии первых послевоенных десятилетий наблюдалась своеобразная реакция на упрощения и упущения в публикациях 30 – 40-х гг., что проявилось и в возрождении норманистских представлений, иногда и в гипертрофированной форме. Кризис конца XX столетия и организованный криминальными структурами развал страны осуществлялся под флагом привнесения «западных ценностей». Криминальные методы стали проникать и в науку, и прежде всего в традиционно спорные вопросы. Наступление норманистов стало настолько политизированным и идеологизированным, что от науки уже ничего не остается. «Защита» путем пропаганды поделок и подделок в виде «Велесовой книги» лишь укрепляет позиции фантастов-норманистов.

А между тем за последние полвека накоплен обширный новый материал, в особенности в области археологии, антропологии и лингвистики. Необходимость осмысления этого материала вытекает и из потребности как-то ориентировать поиск новых данных. В настоящей работе предпринята попытка разобраться в фактах и событиях, связанных с историей славян, русов и «варягов», в их этнической природе и роли в становлении древнерусской цивилизации.

В последнее время школу засыпали учебниками, в которых эксплуатируется понятие «цивилизация» как альтернатива диалектико-материалистическому подходу в понимании процесса исторического развития. Сам предмет истории определяется одним из «цивилизаторов» как «человеческая деятельность, направленная на удовлетворение потребностей людей в пище и крове... в собственности и власти»². В основе такого понимания «цивилизации», целенаправленно привносимого в сознание подрастающего поколения, – «суверенитет личности», который с неотвратимостью и породил беспрецедентное поглощение общества криминалом, поскольку в рамках *такого* суверенитета реализуется известная формула: «человек человеку – волк». Если же такой «суверенитет» еще и управляем и направляем, то речь может идти о сознательно осуществляемом геноциде целого народа (в данном случае русского)³. Здесь понятие «цивилизация» употребляется в его исконном значении – гражданское, общественное, государственное, (от латинского *civilis*) предполагающем как раз ограничение зоологического «суверенитета личности» в интересах других личностей, общества в целом.

Основной закон диалектики (и в материалистическом, и в гегелевском, и в христианском ее осмыслении) – все в мире находится во взаимосвязи и обусловленности, в постоянном раз-

² И.Н. Ионов. Российская цивилизация IX – начало XX в. Учебник для 10 – 11 классов, М., 1998. С. 3. Ср. Е. Галкина, Ю. Колинченко. «Азиопа»: Россия и теория цивилизаций // Сб. РИО. М., 2002.

³ См.: О государственном геноциде в России. Материалы «круглого стола» «Кризис нации» при председателе Комитета по обороне и безопасности Государственной думы Российской Федерации. М., 1998.

витии. В применении к человеческому обществу первое составляет предмет науки социологии, второе – истории. Именно *закономерности* служат предметом любой науки. И предметом истории как науки являются именно *закономерности развития человеческого общества*. Путь от обезьяны до человека, занявший, по новейшим данным, более пяти миллионов лет, – это путь от стада к обществу. Провозглашение «суверенитета личности» означает обратное движение, и чтобы убедиться в этом, оказалось достаточно одного десятилетия.

В свое время неграмотный крестьянин хорошо знал, что: «если Господь хочет наказать человека, он лишает его памяти». Десять лет назад лишить весь народ памяти решила группа энтузиастов во главе с зам. министра образования А.Г. Асмоловым. В «Базисном учебном плане средней образовательной школы» (М., 1993) история была исключена из преподавания полностью, а русский язык в нерусских школах сведен до минимума. Активное вмешательство ряда ученых помогло остановить эту диверсию. Но, разумеется, зам, имеющий второе гражданство, в нашей стране ничем не рискует. Примеры Березовского и Гусинского это продемонстрировали перед всем миром. А историю можно заменить и антиисторией. «Версия» в № 1 за 2002 г. дала информацию о встрече президента с несколькими историками под аншлагом: «Путин правит историю. России подыскивают новую колыбель вместо Киева». Судя по составу приглашенных, эта колыбель – Стокгольм. А историю полезно знать именно такой, какая она есть, дабы лучше понять настоящее и сделать соответственные выводы на будущее.

Глава I

Гипотезы и концепции

В свое время М.П. Погодин, полемизируя с С. Гедеоновым, справедливо заметил, что «всестороннее подробное изучение какого бы то ни было частного вопроса приносит величайшую пользу и оказывает благодетельное влияние на все последующие занятия, дает мерку, указывает приемы, приучает к взыскательности, расширяет кругозор»⁴. Частный вопрос в данном случае – это как раз проблема начала Руси. С обсуждения этой проблемы начинается русская историческая наука. В ходе ее разработки совершенствуется сама наука, предлагаются, испытываются, утверждаются или отбрасываются разные исследовательские приемы. Каждый более всего доверяет тому, что прошло через его личный опыт. Но та же проблема показывает, насколько ограничен и недостаточен личный опыт для достижения обоснованных выводов. Одни и те же факты получают разное, иногда противоположное осмысление в различных концепциях. Исследователи часто не могут даже понять друг друга, потому что говорят об одних и тех же предметах в разных плоскостях, ориентируются на несходные системы ценностей. Поэтому прежде чем выносить на обсуждение собственный опыт, необходимо осмыслить опыт предшественников.

Обычный в исследованиях обзор литературы – это как раз элемент осмысления предшествующего опыта. Однако и в подходе к литературе уже действует определенная ценностная шкала, сказывается специфика методологического подхода. Известный автор середины прошлого столетия В. А. Мошин, стремившийся придать спору о начале Руси «академический» характер, полагал, что «главным условием на право исследования вопроса о начале Русского государства должно быть знакомство со всем тем, что уже сделано в этой области»⁵. Это требование, справедливое при обращении к любой проблеме, в данном случае невыполнимо, если считать «сделанным» все опубликованное. Опубликованы десятки тысяч книг, статей, заметок, и в этом море легко утонуть, если не будет выверенного компаса. И осмыслены должны быть прежде всего стержневые факты, которые разводят исследователей по разным направлениям.

---

⁴ М. Погодин. С. Гедеонов и его система о происхождении варягов и руси // ЗАН. Т. VI. Приложение № 2. СПб., 1864. С. 3.

⁵ В.А. Мошин. Варяго-русский вопрос // *Slavia*, R. X. S. I, v Praze. С.111.

1. Система ценностей и исходных принципов

Историческая наука, как и все научное знание, проходит через три больших этапа поступательного развития: здравый смысл, позитивизм, диалектический материализм. На первом этапе наблюдается большой качественный разрыв исследований: от гениальных теорий и гипотез до безответственных и спекулятивных домыслов и «угадываний». Позитивизм впервые ввел научные построения в строгие рамки. Единообразные требования к исследованию ставили преграды легковесным спекулятивным писаниям, давали возможность получения сравнительных материалов. Но позитивизм и ограничивал, давил творческую мысль ученых, чей здравый смысл и исследовательский опыт не могли мириться с упрощенной схемой «положительной» методологии, согласно которой познавать надлежало лишь «мир явлений», в то время как «мир сущностей» мыслился как непознаваемый. Весь XIX век в академической сфере обсуждались плюсы и минусы позитивизма. Но критика чаще всего не могла выйти за рамки той же методологической системы. Наиболее влиятельным «соперником» позитивизма явилось неокантианство, которое Ленин помещал в одни скобки с позитивизмом в их отношении к диалектическому материализму⁶. Более существенной была критика со стороны разных вариантов гегельянства. Последние, однако, никогда не имели господствующих позиций как в силу декларируемой идеалистичности философии Гегеля, так и – в особенности – в силу трудности усвоения диалектики.

Диалектика – и христианская, и гегелевская, и материалистическая – особенно необходима в изучении как раз общественных явлений. И диалектический материализм изначально сосредотачивал огонь не столько против идеализма в диалектике, сколько против метафизики в материализме. Энгельс не случайно подчеркивал, что метафизический материализм относится к гегелевской диалектике как низшая математика к высшей. Гегелевская система «и по методу и по содержанию представляет собой лишь идеалистически на голову поставленный материализм»⁷. В свою очередь, Ленин заострял внимание на том, что без гегелевской диалектики материализм может быть «не столько сражающимся, сколько сражаемым»⁸.

Позитивизм стал главным противником диалектического материализма (и диалектики вообще) и потому, что он преобладал в академической науке, и потому, что с ним связаны наиболее характерные черты буржуазного мировоззрения, и потому, что, только «очистившись» от позитивизма, материализм мог стать диалектическим. Позитивизм постоянно имеет мощного союзника в обыденном сознании, традиции, видимой логичности и привычке мыслить метафизически, вести отсчет от какой-то «твердой» точки. «Бытие определяет сознание», «общественное бытие определяет общественное сознание» – эти формулы вполне приемлемы и для метафизического материализма, хотя механизм их взаимодействия требует и обращения к диалектике в любом ее понимании. И показательно, что основополагающий в христианской диалектике тезис о приоритете системы ценностей в общественной жизни, который практически не отражен у Гегеля и лишь намечен в диалектическом (историческом) материализме, получил убедительное обоснование под пером российского «правого гегельянца» и «западника» Б.Н. Чичерина.

Особенно устойчивыми позиции позитивизма оказались в важнейшей для *мировоззрения* области – в области познания. Усвоение основных выводов Маркса и Энгельса не устранило опасности постоянного возрождения позитивизма либо в его традиционных формах объекти-

⁶ В.И. Ленин. ПСС. Т. 18. С. 214: «Суть дела состоит в коренном расхождении материализма со всем широким течением позитивизма, внутри которого находятся и Ог. Конт, и Г. Спенсер, и Михайловский, и ряд неокантианцев, и Мах с Авенариусом».

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21. С. 285.

⁸ В.И. Ленин. ПСС. Т. 45. С. 30.

визма и культа «факта», либо в форме догматизма, т. е. омертвления отдельных положений, правильных лишь в определенном историческом контексте. Критика Лениным гносеологических ошибок В.Г. Плеханова вызвала недоумение в стане «ортодоксов», которые и не поняли даже, что имелось в виду. Это побудило Ленина вернуться к вопросам теории познания уже не ради критики позитивизма в форме махизма или эмпириомонизма, а для преодоления позитивизма в форме остатков метафизики в представлениях ряда крупнейших марксистов XX столетия. Работы этой Ленин завершить не успел, остались лишь заметки, объединяемые темой «диалектика». Здесь Ленин и обратил внимание на конечную природу ошибок «ортодоксов». «Диалектика, – подчеркивает он, – *и есть* теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую «сторону» дела (это не «сторона», а *суть* дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах»⁹.

Самое устойчивое заблуждение позитивизма заключается в убеждении, что познание начинается с анализа источников. Почти два столетия позитивизм мистифицирует не только широкую аудиторию, но и ученых, предлагая столь простой и будто бы материалистический путь познания. Факты и только затем концепции – это кажется совершенно естественным. Многие и многие ученые, искренне считавшие себя марксистами, не позволяли себе усомниться в «материалистичности» такого подхода. Позитивизм и родился в борьбе со спекулятивными теориями, с философскими школами, переоценивавшими возможности абстрактного разума. Между тем без предшествующего опыта невозможно никакое исследование, в том числе изучение источника. Отвергая философию, позитивизм неизбежно должен был создать свою философию, отвергая «привнесенные» философией теории познания, он должен был предложить свою теорию познания. В результате, протестуя против «априорного» знания, позитивизм сам вносил априорное знание, развенчивая эвристическое значение теории, сам возлагал большие надежды на свою теорию познания.

Вопреки декларациям позитивистов, исследование *не может* начинаться с источника, поскольку к источнику любой ученый подходит с определенным научным кругозором и системой ценностей. «Предшествующее развитие науки, – справедливо замечал советский философ И.Г. Герасимов, – задает уровень, на котором включаются в научно-исследовательскую деятельность последующие поколения ученых»¹⁰. Игнорируя этот очевидный факт, позитивизм лишает себя возможности правильно оценить доисточниковое, или, как его еще называют, «внеисточниковое» знание¹¹. Не может, естественно, позитивизм правильно осмыслить и весь ход познания, поскольку теория, «закон» в позитивистской схеме оторваны от фактов, являясь лишь выводом из них, не воздействующим на предшествующее знание.

Диалектика познания заключается прежде всего в том, что предшествующее знание со всеми его противоречиями служит отправным пунктом исследования. Диалектический материализм требует, чтобы это знание было систематизировано и оценено, очищено от неизбежных при позитивистском подходе априорных и догматических положений. Исследование немыслимо без четко определенной системы критериев и ценностей, через которую должен быть пропущен изучаемый материал. Лишь определив шкалу ценностей, имеет смысл переходить к оценке фактического материала, а также способов его «добывания» и изучения. В изложении результатов исследования картина неизбежно упрощается, причем именно в позитивистском духе: результаты *кажутся* выводом из совокупности материалов. На самом деле в процессе познания каждый новый факт и новая связь между явлениями немедленно пополняет «внеисточниковое» знание, так или иначе воздействуя на всю его структуру. Любая книга – это лишь этап познания, которого автор достигает в момент ее завершения.

⁹ В.И. Ленин. ПСС. Т. 29. С. 321.

¹⁰ И.Г. Герасимов. Научное исследование. М., 1972. С. 4.

¹¹ Ср.: Е. Топольский. О роли внеисточникового знания в историческом исследовании // Вопросы философии. 1973, № 5.

В избранной теме приходится иметь дело с тремя проблемами, каждая из которых может служить основанием для целого комплекса монографических исследований: процессы этногенеза, классообразования и возникновения государственности. Вопросы эти неизбежно вызвали и вызывают острые споры, поскольку речь идет о коренных политических проблемах. Здесь, разумеется, может быть высказано лишь отношение к названным проблемам. Необходимо, в частности, определить отношение к таким ценностным категориям, как прогресс и регресс, поступательное и попятное движение.

Понятие прогресса в марксистской литературе связывается с поступательным развитием социально-экономических формаций, а более непосредственно – с развитием производительных сил. Но такой общей оценки для конкретных исследований недостаточно. К тому же оно и в общей постановке вопроса должно быть конкретизировано. Так, следует говорить не просто о росте производительных сил, а о росте материальных и духовных благ общества, причем наряду с ростом производительности труда должен учитываться и характер распределения результатов материальной и духовной деятельности (приближение к принципу разделения по труду). Феодализм по сравнению с рабовладельческой формацией нес во многих случаях регресс производства. Но он способствовал установлению более целесообразных отношений, что в будущем могло послужить базой для существенного подъема всего производства. Могло быть, однако, и такое разрушение производительных сил и сложившихся культур, которое отбрасывало человечество (по крайней мере данное общество) далеко назад.

Наука, как известно, открывает закономерности. Закономерности исторического процесса стремятся установить историки разных методологических школ, и соответственно неодинаково воспринимается само понятие закономерность. В позитивизме закономерность либо фатально неизбежное, жестко запрограммированное развитие событий, либо, вследствие абсолютизации релятивного начала, закономерность отрицается вовсе. И в том и в другом случае явления рассматриваются как равные себе независимо от пространства и времени, т. е. на любой территории в любой исторический период. Диалектический материализм исходит, во-первых, из представления о внутренней противоречивости самой закономерности, во-вторых, – из убеждения, что «чистых» явлений ни в природе, ни в обществе *нет* и быть не может... само понятие чистоты есть некоторая узость, однобокость человеческого познания»¹².

Давая общую характеристику исторического процесса, Ленин предупреждал, что «в каждой эпохе бывают и будут отдельные, частичные движения то вперед, то назад»¹³. «При общей закономерности развития, – полемизировал он с «ортодоксами»-догматиками в другом месте, – во всей всемирной истории нисколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития»¹⁴. В литературе появились понятия «обратимости» и «необратимости» исторического процесса, а А.Н. Чистозвонов на примере генезиса капитализма попытался это примерно конкретизировать¹⁵.

В науке закономерность выявляется как бы в «чистом» виде. При этом в естественных науках условия для эксперимента специально создаются в лабораториях, в гуманитарных же обычно приходится абстрагироваться от случайного, внешнего (применительно к данному ряду явлений). После же того, как закономерность выявлена, она становится рычагом познания конкретного. И задача сводится, конечно, не к тому, чтобы объяснить закономерностью каждую отрубленную голову, а к тому, чтобы понять, в какой форме пробивается та или иная

¹² В.И. Ленин. ПСС. Т. 26. С. 241.

¹³ Там же. С. 142.

¹⁴ Там же. ПСС. Т. 45. С. 378 – 379.

¹⁵ А.Н. Чистозвонов. Понятие и критерии обратимости и необратимости исторического процесса (на материалах генезиса капитализма). ВИ. 1969, № 5.

закономерность в определенный исторический период, какие силы задерживают или вообще отбрасывают назад закономерное, с точки зрения всемирно-исторической, развитие.

Роль случайного заметно выше именно для древнейших обществ, когда в роли такого случайного могли выступать и вторжения неизвестных ранее в данном регионе народов, и природные явления, легко преодолимые в более развитых обществах. В древних обществах мы должны предполагать несовершенные и незавершенные процессы, причем незавершенность и попятные движения могли распространяться и на этногенетические процессы, и на классообразование, и на становление государственности.

Естественные теории второй половины XIX в., отвергнув божественное участие в происхождении жизни на земле, способствовали в ряде случаев утверждению положений, питавших расизм (что в условиях завершения формирования наций оказалось весьма актуальным). Марксизм в общей форме выступил против апологетики биологического начала в развитии обществ, подчеркнув решающую роль социального фактора. Но в то время марксисты опирались на сравнительно незначительный этнографический материал, а всякие новые данные, как правило, проходили стадию позитивистской обработки. В результате даже такие «ортодоксы», как К. Каутский, допускали известную переоценку биологического начала, а самое социальное содержание склонны были механицизировать, переоценивая устойчивость условных рефлексов. Вопрос этот и сейчас нельзя считать решенным, причем оценке теперь подлежит огромный фактический материал. В современной археологической и лингвистической литературе, например, существуют две резко расходящиеся точки зрения на время возникновения таких этносов, как кельты, германцы, славяне, причем амплитуда колебаний охватывает период от двух до нескольких десятков тысяч лет.

Следует подчеркнуть, что биологическое развитие ни в коей мере не тождественно лингвистическому и этническому. Антропологи единодушно отмечают неоднородность антропологических типов практически всех древних народов (не говоря уже о современных). Еще в эпоху палеолита пересекались пути «черной» и «белой» расы (негроидные антропологические типы достигали Причерноморья). Европейский неолит дал смешение «арийского» и монголоидного типов. Поскольку археологические культуры не совпадают с областями распространения тех или иных антропологических типов, а языковые зоны не совпадают с теми и иными, объем и качество фактического материала будет самым непосредственным образом зависеть от правильности методологического подхода.

Правильная оценка процессов древности – величина безусловно искомая. Вместе с тем изменение оценки может вести к существенно иным выводам. Поэтому, во-первых, необходимо сознательное отношение к исходным принципам, во-вторых, требуется учет зависимости конкретных построений от принятых методологических установок. В лингвистике, например, и до сих пор противостоят сравнительно-историческое языкознание и «яфетическая» теория Н.Я. Марра. Для той и другой теории имеется достаточный материал: та и другая теория оказывается правомерной при объяснении определенного ряда явлений. Но, как это часто бывает, теория, успешно решающая частные проблемы, оказывается недостаточной при объяснении всего процесса в целом. Такова судьба всех метафизических построений. Индоевропеистика исходила (по крайней мере, в своем классическом варианте) из очень стройной, но метафизически ограниченной схемы: предполагалось, что человечество – это постоянное разделение некоего цельного этнического массива, представленного этническими группами, идущими от Сима, Хама и Афета. Эта теория при объяснении исторических условий возникновения реальных народов одной стороной как будто противостояла националистическим тенденциям, поскольку искала «пранароды», «праязыки» для больших групп народов. Но в ней содержались задатки и расистских теорий, которые расцвели пышным цветом в «индогерманистике» – немецкой националистической интерпретации той же теории. Объективная возможность в такого рода повороте заключалась в том, что исходным материалом исследо-

вания являлись большие замкнутые расовые группы, изолированные друг от друга и в известном смысле противостоящие друг другу. «Яфетическая» теория Н.Я. Марра объявляла войну как раз расистским популистским учениям, вылившимся в той или иной форме из индоевропеистики. Согласно учению Марра, «различные народы создавались не в результате «вычитания» из каких-то расово изолированных, обособленных групп индоевропейцев, семитов, хамитов и т. д., а в результате «сложения» первоначально одних и тех же производственных групп с одинаковой или почти одинаковой культурой, позднее – племен и народов, уже различных по своей культуре».¹⁶

Для Марра и его последователей сравнительно-историческое языкознание было «буржуазным», и это правильно, если иметь в виду методологическую ограниченность всей буржуазной науки XIX – XX столетий рамками позитивизма и неокантианства. Но дело, конечно, не в «сравнительно-историческом» подходе, а в том, что и сравнение и историзм в классической индоевропеистике были формальными, механическими, однолинейными. Н.Я. Марр – один из талантливейших ученых, осознавших ограниченность методологии домарксистской науки и пытавшийся дать марксистское осмысление всей огромной области знания, связанной с процессами этно- и глоттогенеза. И опыт его показывает, что для внедрения диалектико-материалистической методологии простой убежденности в ее познавательной ценности далеко не достаточно. Необходимо глубоко продуманное и отнюдь не механическое усвоение ее принципов применительно к конкретному материалу.

Н.Я. Марр вполне правомерно соединил в единый комплекс три процесса: этногенез, глоттогенез и изменения в способе производства. Теория стадильности явилась принципиально новым явлением в истории обществоведения, но Марр и его ученики не сумели правильно определить границы, до которых простирается действие открытых ими закономерностей. Ошибка заключалась в том, что, как и при сравнительно-историческом подходе, новые приемы исследования и новые представления были возведены в ранг всеобщих. Диалектика развития незаметно подменялась метафизикой: многогранность развития укладывалась в жесткую схему, где одинаковые причины всегда порождали одинаковые следствия, а причины оказывались всегда одинаковыми в силу однотипности и однолинейности всего развития.

Стадильная теория Марра имела весьма актуальное значение в условиях борьбы с откровенно расистскими концепциями «науки» Третьего рейха. Отрицание сколько-нибудь существенной роли миграций и вообще внешних влияний сужали базу идеологической экспансии панарийцев и пангерманистов. Но, будучи правильной в противостоянии с расистской интерпретацией индоевропеистики, эта теория оказалась недостаточной в объяснении большого числа фактов. Эта теория вынуждена была закрывать глаза на внешние влияния, особенно на влияния опосредованные, не связанные с «материальным» скрещением разных этносов. Не учитывалась в должной мере также роль традиционных этнокультурных родственных связей, даже периодические «скачки» и «взрывы», менявшие облик этноса, представлялись однообразными в пространстве и времени.

В практике исследования над мыслью ученого обычно довлеют догмы того и другого направления. Само по себе это, видимо, не должно настораживать, поскольку оба направления безусловно имеют немало позитивного, но очень часто позитивные в частностях построения соединяются также механически, в результате чего лишь усиливается внутренняя противоречивость всего подхода. Так, заимствованная у Марра теория автохтонности оказалась не в состоянии не только правильно оценить факты миграций и внешних влияний, но даже и противостоять расизму, поскольку автохтонность стала убежищем «самобытности», легко возводимой в ранг национализма и исключительности. Положения, правильные теоретически,

¹⁶ С.Н. Быковский. Яфетический предок восточных славян – киммерийцы // Известия ГАИМК. Т. VIII, вып. 8-10. Л., 1931. С. 3.

стали абсолютизироваться и применительно к любым конкретным специфическим условиям. Анализ явления в «чистом» виде механически переносился в такие ситуации, где его в чистом виде просто не могло быть. Такого рода механические перенесения затронули сферы и этногенеза, и социальной структуры, и политической надстройки.

Обращаясь к конкретному предмету исследования, необходимо, очевидно, учитывать как направленность, так и интенсивность процессов. Так, в Евразии в последние тысячелетия несомненно происходил процесс дробления каких-то относительно цельных этнокультурных общностей, причем для Европы определяющее значение имела именно индоевропейская общность. Однако одноплановая картина «ствол и ветви» не объяснит всего многообразия процессов, имевших место в действительности. Во-первых, картина развития вовсе не сводится к одностороннему движению в сторону распада некогда единых общностей: постоянно происходит и встречное движение – консолидация общностей на иной основе, в иных исторических и географических условиях. Во-вторых, любое единство неизбежно относительно, поскольку оно всегда включает в себя «непереваренные» остатки предшествующих общностей и соединяет также неоднозначные вновь возникающие тенденции и явления.

Каждая наука склонна самостоятельно обслуживать (за счет своих познавательных средств) такой круг вопросов, который лишь косвенно примыкает к ее основной проблематике, но без рассмотрения которых не обойтись. Заход в смежную сферу часто приводит к легковесным решениям или же возникает скептицизм в отношении возможности познания этих вопросов. Между тем объективная реальность только условно может быть поделена между разными науками, и исследование практически любой проблемы требует комплексного их применения. Возможности каждой науки ограничены, и методологически важно правильно осознавать эти границы. Но за пределами этих границ совсем не обязательно должна лежать область непознаваемого: очень часто непознаваемое в одной науке легко решается средствами другой. «Много лет, – заметил Ф.П. Филин, – ведутся споры о приоритете в освещении проблем этногенеза между лингвистами и археологами»¹⁷. Автор решает этот спор в пользу лингвистики, отмечая, что «попытки археологов использовать лингвистические данные в общем похожи на неумелые партизанские разведки»¹⁸. В успешность совместных исследований специалистов разных профилей автор не верит, считая, что партнеры «далеки еще от научнообоснованных и непротиворечивых синтетических обобщений»¹⁹. Действительно, «вторжение» в «чужую» область не проходит без издержек. И это касается не только археологов, но и лингвистов. Тем не менее прогресса можно ожидать не на путях самоизоляции наук, а лишь с овладением теми знаниями и методами, которые необходимы для решения самой проблемы. И нельзя, конечно, забывать при этом, что процесс развития общества изучает историческая наука, а синтетические обобщения немыслимы без обращения к философским проблемам.

Вряд ли стоит смущаться и того, что любые синтетические построения в настоящее время далеки от «непротиворечивых». Противоречивость предшествующего знания имеет объективную природу в противоречивости самих изучаемых явлений, а выявление разногласий между данными разных наук может пойти только на пользу всем им, поскольку потребует более глубокого обоснования их методов и схем. Так, современная антропология уже в состоянии проследить в общих чертах процесс изменения биофонда, из которого складываются исторические народы. Существенно, что представляется возможность учесть и естественные аспекты этого процесса (изменения в результате воздействия природной среды), и влияние социальных условий (тема крайне сложная и пока лишь обозначенная). Эти данные важно учитывать при оценке роли расовых и межплеменных смещений.

¹⁷ Ф.П. Филин. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972. С. 22.

¹⁸ Там же. С. 25.

¹⁹ Там же.

Скептическое отношение к продуктивности «наложения» проистекает из того, что выводы разных наук не совпадают. Но самое несовпадение нередко является результатом подмены одних вопросов другими. Так, антропология изучает процесс изменения биофонда, а не этногенеза, что, как правильно подчеркивают сами антропологи, далеко не одно и то же. Взаимоотношение этих процессов может быть определено. Но, во-первых, это величина искомая, а во-вторых, установление ее – задача не только антропологии, но и исторического материализма. Вполне закономерно также, что антропологические типы не накладываются механически на археологические культуры. Но едва ли может быть сомнение в исключительной ценности фактов частичного их совпадения для понимания этнической истории. То же самое должно отнести и к данным лингвистики в их отношении к археологическим и антропологическим, тем более что и процесс глоттогенеза также не адекватен этногенезу и этнической истории. Значение же теоретических представлений хорошо выявляется на факте расхождения лингвистов в вопросе о хронологической глубине тех или иных языковых явлений. Некоторые лингвисты, исходя из факта существенного изменения языкового фонда исторических народов за последнее тысячелетие, склонны полагать, что еще тысячелетием раньше не было и самих этих языков. Это мнение оказало влияние и на некоторых археологов. Между тем интенсивность развития в последнее тысячелетие никак не может механически переноситься в предшествующий период. Десятилетиям нашего времени соответствуют многие столетия и тысячелетия древних эпох; чем глубже во мглу веков опускается взгляд исследователя, тем опаснее становятся простые аналогии с позднейшим временем.

Процесс этнических преобразований тесно связан с непрерывной ассимиляцией одних групп другими. В литературе ассимиляция иногда представляется либо как результат поглощения большинством меньшинства, либо как следствие смешанных браков. Смешанные браки – безусловно важный фактор взаимодействия разных языков и культур. Экзогамия, широко распространенная у многих народов, способствовала не только биологическому оздоровлению этнического организма, но и стимулировала его социальное и культурное развитие. И все-таки не этот путь ассимиляции был преобладающим на протяжении тысячелетий. История Древнего мира дает нам классический пример того, как относительное меньшинство передает свой язык и многие элементы культуры самым различным народам, в том числе даже таким, которые стояли выше по уровню социально-культурного развития (этруски, греки, некоторые народы Востока). С аналогичными явлениями, в сущности, мы имеем дело и во многих других случаях, когда, например, культура мегалитов распространяется на огромных пространствах от Кавказа и Черного моря до западных берегов Атлантики и Британских островов и далее вплоть до Белого моря (лабиринт у Терского берега, обнажающийся во время отлива), а на юго-востоке «спускается» до юга Индостана.

Археологический материал сам по себе не позволяет представить форму организации многих бесписьменных народов, скажем, эпохи бронзы. Однако несомненно, что в этот период (II – начало I тыс. до н. э.) возникает социальное расслоение не только в Передней Азии, а и на большей части Европы. Социальное расслоение этого периода является следствием развития производительных сил и служит дальнейшему их прогрессу. На этой же основе возникают сложные политические образования, в рамках которых осуществляется широкий обмен материальными и культурными ценностями и, видимо, преобразуются или заново складываются единые для больших общностей языки.

Весьма вероятно, что общества эпохи бронзы и на европейской территории принимали форму ранних государств. Не исключено также, что в отдельных случаях внутренние противоречия приводили к гибели этих образований, причем причиной гибели могла явиться, между прочим, слабость государственного механизма, не способного удержать в узде возникшие противоречия. Схема, нарисованная Марром, слишком абстрактна и просто нереальна. Развитие общества шло несомненно в длительной (занимавшей многие тысячелетия) борьбе собственно

кровнородственных и чисто социальных связей. Естественная (даже и для животного мира) кровнородственная форма организации на первых порах выполняла огромную положительную роль, обеспечивая определенную защиту индивиду. Позднее, по традиции, кровнородственные отношения продолжают выступать формой, прикрывающей новое содержание – социальное расслоение. Государство рождается в сложной, полной противоречий и временных отступлений борьбе с кровнородственными и родоплеменными традициями. В ранних государствах можно видеть причудливое переплетение тех и других. И далеко не всегда исторический спор решался в пользу более перспективного.

Ранний железный век на многих территориях Средней и Северной Европы был временем известного регресса, причины которого пока остаются невыясненными. Так или иначе, переход к железу не был прямым восхождением. Но даже если бы изобретение железа явилось единственным положительным элементом, уцелевшим при крушении прежних цивилизаций, в более или менее отдаленном будущем это открытие должно было обеспечить дальнейшее развитие производительных сил. Другое дело, необходимо ли было для будущего прогресса разрушение довольно высоко организованных общественных структур эпохи бронзы.

Если говорить о прогрессивном развитии этнических обществ, то основное его направление должно идти по линии отрицания биологического и усиления социального начала. Практически это означает преодоление кровнородственных связей и расширение территориальных. Другим критерием прогресса может быть рост масштабов ранних объединений. В рамках таких объединений быстрее осуществлялось разделение труда и преодолевались сдерживающие его семейные формы функционирования производственных коллективов. В рамках же больших объединений легче осуществлялся обмен производственным опытом и больше было шансов на успех в борьбе с иными мирами, которые по тем или иным причинам должны были прийти в движение и могли быть не просто завоевателями, а и разрушителями сложившихся культур.

Важнейшим фактором устойчивости социального организма является такая форма его организации, как государство. Не случайно наука самых разных направлений рассматривала возникновение государства как своеобразный венец всего доисторического периода, как некую цель, к которой якобы стремились все народы. В нашей литературе отголосок таких представлений проявляется в своеобразной полемике по вопросу о времени возникновения тех или иных государств (у славян, германцев, народов Кавказа и Средней Азии и др.). Вместе с тем в работах, рассматривающих сущность государства, делается акцент на негативных сторонах его функционирования в классовом обществе: подчеркивается его репрессивное назначение в отношении основного класса производителей. Столь противоречивые и несогласованные оценки возникают иногда и на страницах популярных изданий, а также учебных пособий, причем не всегда это противоречие как-либо объясняется. Между тем для рассмотрения вопроса происхождения как раз одного из крупнейших государств Средневековья совершенно необходимо не просто оценить положительные и отрицательные слагаемые этого явления, но и представить роль его в общем процессе развития очерченного им региона.

Вопросу о государстве посвящены специальные работы Энгельса и Ленина. Энгельс прямо поставил вопрос именно о происхождении государства. Ленин заострил некоторые выводы Энгельса в популярной лекции «О государстве»²⁰. Именно эти работы обычно привлекались у нас для оценки сущности государства. При этом, однако, не всегда делалось различие между сущностью и исторической ролью конкретного государства.

Нелишне напомнить, что работы Энгельса и Ленина были направлены против идеалистических и идеализированных представлений о государстве, как надклассовом или даже Богом данным инструменте, создающем гармонию в обществе. Ленину приходилось опровер-

²⁰ К сожалению, эта важная лекция Ленина сохранилась лишь в стенографической записи, которую самому ему просмотреть не удалось.

гать ревизионистов и «ортодоксов», противопоставлявших «демократическое», «общенародное» буржуазное государство молодому советскому. Энгельс и Ленин убедительно показали закономерный характер возникновения государства в результате процесса классовообразования. Они показали, что, как правило, государство является машиной в руках господствующего класса и служит прежде всего интересам этого класса (даже если этот «класс» является криминальным по своей сути). В порядке исключения могут быть периоды, когда государственный механизм получает возможность лавировать между борющимися классами, как бы становясь над ними. Исключения эти (например, западноевропейский абсолютизм XVII – XVIII вв.) могли занимать и территориально, и хронологически заметный период. Будучи порождением общественных противоречий, государство с самого начала приобретает и относительную самостоятельность по отношению к обществу, поскольку и любой господствующий класс не является единым, распадаясь на соперничающие группировки.

Если говорить о роли государства в ранних обществах, то в большинстве случаев ее можно характеризовать как прогрессивную. Процесс классовообразования, конечно, прогрессивен не сам по себе, а как формальное отражение и закрепление великого прогрессивного явления – разделения труда. В классовом разделении некоторые стороны этого явления оказались деформированными. Тем не менее на определенном этапе классовая дифференциация оставляет не только возможным, но и обязательным дальнейшее развитие. «Только рабство, – отмечает Энгельс, – сделало возможным в более крупном масштабе разделение труда между земледелием и промышленностью и таким путем создало условия для расцвета культуры Древнего мира – для греческой культуры. Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и греческой науки; без рабства не было бы и Римской империи. А без того фундамента, который был заложен Грецией и Римом, не было бы и современной Европы»²¹.

Цитированный текст нельзя, конечно, воспринимать как апологию рабства. Речь идет о том, что даже в форме рабства разделение труда может выполнять прогрессивную функцию. Что же касается государства, то в данном тексте о его прогрессивности Энгельс говорит как о чем-то само собой разумеющемся. Государство, безусловно, играет прогрессивную роль, пока прогрессивен класс, организующий производство. Именно государство и обеспечивает стабильность разделения труда на значительной территории. Государство периода восхождения формации в отдельные моменты способно подниматься и до решения задач, представляющих интерес для более широкого круга его подданных, а не только для социальной верхушки. Напротив, в периоды кризиса формации, в периоды, когда существующий способ производства становится тормозом для дальнейшего развития производительных сил, созидательные функции его отступают на задний план, подчиняясь функции удержания господства эксплуататорского меньшинства над основной массой производителей. Именно с такого рода государствами имела дело европейская буржуазия XVII – XIX вв., а с конца XIX в. такого рода государства представляли перед пролетариатом.

Если вопрос о созидательной роли классовых государств в определенный исторический период представляется достаточно ясным, логически вытекающим из понимания процесса классовообразования как прогрессивного явления, то в связи с характеристикой самого этого процесса можно столкнуться с некоторыми недоразумениями. Речь идет прежде всего об известном замечании Энгельса о том, что «государство никоим образом не представляет собой силы, извне навязанной обществу»²². Это положение нередко понимается слишком буквально как способность и даже обязательность для каждого конкретного общества самостоятельно, без внешнего вмешательства прийти к государству. В середине XX столетия на это положение смотрели в известной мере через призму автохтонной теории Марра, и одного этого тезиса

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20. С. 185.

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21. С. 169.

казалось достаточным для опровержения всей теории норманизма. Между тем Энгельс имел в виду нечто иное: он противопоставлял диалектико-материалистический подход идеалистическому, для которого государство – нечто стоящее над обществом, вне общества, независимо от общества.

Энгельс рассматривал три наиболее характерных варианта образования государства: у греков, римлян и германцев. Своеобразным эталоном образования государства оказываются Афины. «Возникновение государства у афинян, – по Энгельсу, – является в высшей степени типичным примером образования государства вообще, потому что оно, с одной стороны, происходит в чистом виде, без всякого насильственного вмешательства, внешнего или внутреннего, – кратковременная узурпация власти Писистратом не оставила никаких следов, – с другой стороны, потому, что в данном случае весьма высоко развитая форма государства, демократическая республика, возникает непосредственно из родового общества»²³.

В чистом виде общественные явления встречаются, конечно, крайне редко. Эталоны обычно оказываются исключениями, что, разумеется, не принижает их значения для открытия и изучения закономерности. Энгельс оговаривает возможные варианты деформации процесса: насильственные вмешательства либо извне, либо изнутри данного общества (но отнюдь не вмешательство небесной силы). У римлян и германцев как раз и прослеживаются наиболее характерные варианты отклонения от «нормы». У римлян государство возникает в результате прежде всего противостояния (на первом этапе) «римского народа» и населения покоренных латинских округов – плебса²⁴. «В Риме, – отмечает Энгельс, – родовое общество превращается в замкнутую аристократию, окруженную многочисленным, стоящим вне этого общества, бесправным, но несущим обязанности плебсом; победа плебса взрывает старый родовой строй и на его развалинах воздвигает государство, в котором совершенно растворяются и родовая аристократия и плебс»²⁵.

Расширение Римской республики и затем империи на все Средиземноморье должно рассматриваться уже с двух сторон: в плане эволюции собственно Римского государства и в плане тех изменений, которые римское завоевание приносит большому числу некогда самостоятельных народов, стоявших во многих случаях на довольно высоком уровне развития. «По всем странам бассейна Средиземного моря, – оценивал Энгельс этот процесс, – в течение столетий проходил нивелирующий рубанок римского мирового владычества. Там, где не оказывал сопротивления греческий язык, все национальные языки должны были уступить место испорченной латыни; исчезли все национальные различия, не существовало больше галлов, иберов, лигуров, нориков – все они стали римлянами. Римское управление и римское право повсюду разрушили древние родовые объединения, а тем самым и последние остатки местной и национальной самостоятельности. ... Для громадной массы людей, живших на огромной территории, единственной объединяющей связью служило римское государство, а это последнее со временем сделалось их злейшим врагом и угнетателем. ... Вот к чему пришло римское государство с его мировым господством: свое право на существование оно основывало на поддержании порядка внутри и на защите от варваров извне; но его порядок был хуже злейшего беспорядка, а варваров, от которых оно бралось защищать граждан, последние ожидали как спасителей»²⁶.

Не может быть никакого сомнения в том, что для перечисленных Энгельсом народов государство пришло «извне», и последствия этого явления в разные периоды были и для разных народов неодинаковыми. Пока Римская республика способна была к прогрессивному развитию, от этого прогресса имели что-то и некоторые народы, включенные в ее состав военной

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21. С. 119.

²⁴ Там же. С. 126 – 127.

²⁵ Там же. С. 169.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21. С. 146 – 147.

силой. Иными словами, для некоторых народов, раздираемых внутренними противоречиями, даже извне привнесенное государство означало положительное явление, а факт быстрой ассимиляции или романизации может являться свидетельством кризисного положения во многих обществах накануне завоевания. Взаимоотношения завоевателей и покоренных могли быть различными. Можно лишь отметить определенную закономерность: завоеватели способны принести нечто положительное лишь тогда, когда их общество и государство находятся на подъеме в экономическом и культурном отношении. Наиболее же упорное сопротивление завоевателям оказывают народы и племена, которые либо имеют свои сложившиеся государственные институты, либо еще слишком далеки от того, чтобы воспринять этот инструмент классового общества.

Образование государства у германцев (многоэтничное население территории, которую римляне называли «Германией») – пример другого рода. Это случай, когда варвары сокрушают мировую империю. Германцы «в награду за то, что освободили римлян от их собственного государства, отняли у них две трети всей земли и поделили ее между собой»²⁷. На первых порах (и на длительное время) государственные институты были отодвинуты на задний план, уступив место родовым, присущим в данное время германским и иллиро-венетским, кельтским и иным племенам, занимавшим в это время территории от границ Римской империи до Северного моря, Балтики, Среднего и Нижнего Подунавья. Но сам факт завоевания оказывается несовместимым с родовыми отношениями. Традиционные формы общественного устройства «выродились в результате завоевания», так как «господство над покоренными несовместимо с родовым строем»²⁸. «Германские народы, – поясняет эту мысль Энгельс, – ставшие господами римских провинций, должны были организовать управление этой завоеванной ими территорией. Однако невозможно было ни принять массы римлян в родовые объединения, ни господствовать над ними посредством последних. Во главе римских местных органов управления, вначале большей частью продолжавших существовать, надо было поставить вместо римского государства какой-то заменитель, а этим заменителем могло быть лишь другое государство. Органы родового строя должны были поэтому превратиться в органы государства, и притом, под давлением обстоятельств, весьма быстро»²⁹.

Нетрудно убедиться в том, что у большинства народов государства возникали по названным образцам, т. е. в условиях, когда внешний для данного конкретного общества (но не для общества в целом) фактор деформировал процесс. Закономерность государства в чистом виде могла проявиться лишь в порядке исключения, так как только в порядке исключения могли существовать этнокультурные общности, практически изолированные от других, не подвергавшиеся угрозе покорения или даже уничтожения со стороны своих соседей или племен, переселявшихся из отдаленных районов в поисках удобных для жизни территорий. Довольно широко уже в древнейшем периоде истории человечества распространяется и опыт, как производственный, так и организационный. Рим, например, оказывал огромное влияние не только на покоренные народы, но и на многочисленные племена, составляющие ойкумену римской цивилизации. И лишь упадок Рима примерно со II в. приводит к оттеснению многих элементов его влияния местными или чьими-то другими, более соответствовавшими в данное время потребностям прогрессивного развития.

Таким образом, вопрос о том, каким путем *должно* возникать Древнерусское государство, *не может* прямолинейно связываться со спором норманистов и антинорманистов. Государство вполне может «прийти» извне данного конкретного общества в результате либо его завоевания, либо просто заимствования образцов. Даже сравнение уровня экономического и

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21. С. 150.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 150 – 151.

культурного развития не подскажет характера будущих отношений завоевателей и покоренных. Энгельс показывает, как народ-победитель был «покорен» римской культурой – культурой побежденных. Но процесс «покорения» занял 4 столетия – период, достаточный для существенного преобразования не только социальной структуры, но и самой этнической природы общества. С другой стороны, столкновения римлян с более высокой культурой этрусков привело в основном к подавлению последней – такой вариант также не исключение. В случаях значительной разницы в уровне культуры между завоевателями и завоеванными разрушение будет даже закономерным итогом.

Очевидно, в конкретно-историческом плане далеко не безразлично, из каких элементов рекрутируется социальная верхушка общества. Иноязычные социальные верхи, несомненно, будут находиться в состоянии глубокой отчужденности от коренного населения. В этом случае на первом плане окажется репрессивная, а не созидательная функция государства. Поэтому нельзя согласиться с теми авторами, которые, возражая против норманистских концепций, полагают, будто состав и происхождение господствующего класса в тот или иной период не имеет значения. Как раз напротив, через состав господствующего класса нередко можно легче всего выявить особенности данной социальной структуры, особенно если учесть, что и источники наиболее представительно отражают как раз жизнь социальной верхушки.

Из сказанного следует, что спор норманистов и антинорманистов не может быть прямолинейно связан с методологическими расхождениями позитивистской и диалектико-материалистической наукой, хотя норманизм, как правило, питает только буржуазные мировоззренческие концепции. Даже идеализация созидательной роли государства, характерная для большинства направлений норманизма, не дает оснований для его третирувания, тем более что аналогичная идеализация характерна и для большинства антинорманистских построений, а в качестве частного случая такой идеализированный вариант возможен и в реальной действительности. Иными словами, обсуждение норманнской проблемы невозможно без привлечения всего фактического материала.

2. Итоги трехвекового спора

Начало Руси – одна из наиболее спорных проблем, в решение которой были втянуты сотни крупных историков и лингвистов, не говоря о бесчисленном количестве популярных и дилетантских работ или исследований по частным вопросам и сюжетам. Из-за отсутствия достаточно обстоятельных историографических обзоров одни и те же факты и аргументы неоднократно заново проникали на страницы печати как нечто новое, а спор очень часто вращался вокруг относительно узкого круга вопросов. С другой стороны, в этой проблеме более чем во многих других сказывалась сдерживающая роль традиции, что подчас мешало продуктивному использованию новых теоретических достижений в языкознании и истории. Тем не менее спорящие стороны накопили большой фактический материал, который из-за его противоречивости, как правило, распределялся между различными концепциями. В данном случае нет ни возможности, ни необходимости проследить все перипетии споров, достаточно выделить те аргументы и факты, которые и в наше время не вполне потеряли свое значение.

Обычное разделение литературы о начале Руси на два направления связывают с появлением в XVIII в. трудов З. Байера³⁰ (1694 – 1738) и Г. Миллера (1705 – 1783), положивших основание норманизму, и возражениями им М.В. Ломоносова, стоявшего у истоков антинорманизма. В качестве предыстории иногда напоминают о первых притязаниях шведов на роль создателей Древнерусского государства в XVI – XVII вв. и твердой убежденности на Руси в происхождении «варягов» с Балтийского Поморья.

Байер и Миллер приехали в Россию в связи с организацией Академии наук в 1725 г., причем Миллер к этому времени успел окончить лишь курс Лейпцигского университета и помышлял не о научной, а об административной карьере. Влияние Байера и неудачи в чисто служебной сфере более четко определили его интерес к истории. Байера в нашей литературе оценивают неодинаково, но преобладает панегирическое отношение как к создателю стройной системы критики источника.

В антинорманистской литературе, напротив, подчеркивается тенденциозность и односторонность Байера как исследователя. И.П. Шаскольский возражал против самого определения Байера как родоначальника норманизма, усматривая в этом преувеличение роли Байера в русской историографии³¹. Автор, вслед за А.А. Шахматовым, склонен был считать «первым норманистом» уже создателя Начальной летописи – предположительно Нестора. Однако последнее соображение, как будет показано ниже, более чем спорно. Оценка же той или иной ориентации летописца как составителя свода в зависимости от конструирования теории норманизма вряд ли может зависеть (с таким же успехом можно говорить о преувеличении И.П. Шаскольским роли самой норманистской концепции в историографии).

Замечание А.А. Шахматова и следующего за ним И.П. Шаскольского справедливо в том отношении, что норманизм и антинорманизм (последний, как сказано, тоже) имеют за собой традиции в источниках. А.А. Куник, например, полагал, что антинорманизм надо вести с С. Герберштейна, а норманизм – с П. Петрея³². Следует только учитывать при этом, что соображения Герберштейна в значительной мере основаны на характеристике этнографического и географического материала, связанного с описанием положения на Балтике в начале XVI в. Этих соображений необходимо будет коснуться в связи с рассмотрением круга источников. Что касается Петрея (начало XVII в.), его замечание было лишь ни на чем не основанным и ничем не аргументированным домыслом.

³⁰ Имеется ввиду Готлиб Зигфрид Байер.

³¹ И.П. Шаскольский. Норманнская теория в современной буржуазной науке. Л., 1965. С. 9.

³² А.А. Куник. Замечания. (По поводу критики Г. Фортинского). СПб., 1878, отд. отт. С. 1.

З. Байер, безусловно, по праву считается основоположником норманизма. И дело не только в том, что он положил начало всей системе, всей основной аргументации этой концепции, действующей и до сих пор, – Байер противопоставил свою версию начала Руси иному взгляду, распространенному в его время не только в России, но и в Европе. Считалось, что варяги, с призвания которых летопись начинала русское государство, были выходцами с южного берега Балтики. Это представление, помимо названного выше Герберштейна, отражал в историческом лексиконе Дюре (1610). В Германии в начале XVIII в. спорили о том, был ли Рюрик славянином или германцем, но ни у кого не было сомнений в том, что он и его братья вышли с южного берега Балтики, из района, где издавна жили славяне, смешавшиеся, как полагали, с германским населением³³.

Труд Байера «О варягах», с которого начинается норманизм, вовсе не отличает «строгость научной критики, точность научного доказательства», как это казалось Н.Л. Рубинштейну³⁴. Летописное сказание о призвании варягов Байер вообще не анализировал, а его ссылки на летопись вызвали у Татищева обоснованное недоумение³⁵. Предшествующую традицию он отвергал доказательством, что пруссы не были славянами (позднейшая легенда о прибытии Рюрика из Пруссии), а вагры (версия Герберштейна) не были чистыми славянами. Но отсюда никак не вытекал вывод, будто варяги жили в Скандинавии³⁶.

Позитивная часть концепции Байера строилась на сообщении Бертинских анналов под 839 г., где упоминался народ «рос» и высказывалось предположение, что это – «свеоны»; сообщении Лиутпранда о тождестве русов с норманнами (X в.), а также на сопоставлении «варяжских» имен со скандинавскими, датскими и континентальными, известными в Германии. Круг этих сопоставлений достаточно широк, но Байер считает вопрос решенным в пользу норманнов одним лишь отысканием параллелей, без этимологизации самих имен. Этимология дается только по отношению к именам, в славянском происхождении которых обычно не сомневались: Святослав, Всеволод, Владимир. Но уровень этой этимологии таков, что Татищеву не стоило особого труда отвергнуть их как совершенно несостоятельные³⁷.

Байер предложил и объяснение самого этнонима «варяг». Он связал его с германо-скандинавским «варг» – волк, переосмысленный как разбойник. В качестве параллелей в данном случае у него выступают и литовский «варас», и русское «вор».

Построение Байера было с чисто «академических» позиций проверено Татищевым, и именно Татищев указал на ряд ошибок и недоказательных аргументов Байера. Именно татищевский беспристрастный анализ должен привлекаться в качестве оценки «научной строгости» и просто эрудированности Байера. Но, хотя Татищев и Байер писали свои труды в одно и то же время, первого начали издавать много лет спустя, когда имя Байера заняло уже прочное место в русской историографии. Да и позднее Татищев представлялся чуть ли не в качестве малодаровитого последователя Байера. Н.Л. Рубинштейн полагал даже, что «у него заимствовал Татищев норманнскую теорию происхождения варягов-руси»³⁸. Это явное недоумение, – Татищева в равной мере не убеждали ни старая версия о балтославянском происхождении Руси, ни норманнская концепция Байера. Он, в частности, находил совершенно

³³ J. Dobrovsky. Wie soll Nestors Chronik... rein hergestellt werden? «J Muller Altrussische Geschichte nach Nestor». Berlin, 1812.

³⁴ Ср.: Н.Л. Рубинштейн. Русская историография. М., 1941. С. 96.

³⁵ В.Н. Татищев. История Российская... Т. I. М., 1962. С. 307 – 309.

³⁶ В русской Академии наук первые десятилетия ее существования не было русских изданий. Работы печатались на латинском или немецком языках. Татищев перевел статью Байера «О варягах» и некоторые другие и включил в свою «Историю», снабдив примечаниями и возражениями.

³⁷ В.Н. Татищев. История Российская... Т. I. С. 308 – 309. Ср. также С. 205 (относительно наименований порогов у Константина Багрянородного).

³⁸ Н.Л. Рубинштейн. Указ. соч. С. 97.

неудовлетворительными языковые разыскания Байера, которые, кстати, только и могут рассматриваться как нечто принципиально новое и оригинальное³⁹.

Татищев, однако, не предложил чего-то удовлетворительного в качестве альтернативы. Его сармато-финская теория показывает лишь широту замысла и ощущение сложности процесса этногенеза как взаимодействия разных племен и языков. Но конкретно-историческая часть теории в полной мере отражала шаткость и произвольность подобных построений в его время.

Таким образом, основная мысль Байера заключалась в утверждении, что варяги и русь были не славянского, а германского, именно норманского происхождения. Именно в этом и заключалось зерно норманизма. В XVIII в. никто не сомневался в том, что только государство может служить основанием и условием общественного благоденствия. Не было также сомнения в определяющей роли монархов и героев в успешном функционировании государственного организма. Да и практика это как будто подтверждала: Петр I и Анна Иоанновна, Меншиков и Бирон...

Татищев В.Н. (1686 – 1750)

---

³⁹ Следует иметь в виду, что ни русского, ни других славянских языков Байер не знал и не стремился их узнать (чем удивил даже А. Шлецера). Он был ориенталистом, знал семитские языки, китайский. Даже германские его этимологии не демонстрируют особого знания германских (в частности скандинавских) языков. В славянских этимологиях Байер в значительной мере опирался на домыслы своего будущего решительного оппонента В.К. Тредьяковского, который предложил своеобразные образцы объяснения западноевропейских терминов из славянских корней, чем, независимо от своих намерений, дал, по выражению Ю. Венелина, «очень остроумную пародию на словопроизводство Байера и Миллера».

Популяризатором идей Байера явился Г. Миллер, опубликовавший «диссертацию»: «Происхождение имени и народа российского». Главным источником для автора явились датские и скандинавские саги, изложенные Саксоном Грамматиком и Снорри Стурлессоном, причем он целиком доверял заключенным в них легендам. Он отправлялся, в частности, от хронологии этих саг, согласно которой народ «русь» представлен активной силой, определявшей политическое развитие значительных территорий Восточной Европы уже с первых веков нашей эры. Для Миллера было существенным, что «россияне» на территории будущей Руси «за пришельцев почитаемы быть должны»⁴⁰. Следуя Байеру в определении этнической принадлежности варягов и руси как скандинавов-шведов, он не обратил внимания на то, что как раз в использованных им сагах «Русь» отделяется и отличается от скандинавов. Самое название «русь» он выводил от финского наименования шведов – *ruotsi*. Это положение остается на вооружении норманизма и по сей день⁴¹.

Молодая наука признавала достойной науки только одну весьма неудобную для норманистов, о чем далее еще будет идти речь, проблему – происхождение. «Даже средневековая история, – замечал П.Н. Милюков, – считалась недостаточно достойным сюжетом для исторической науки того времени»⁴². Но никто в XVIII в. не сомневался в животрепещущей актуальности этих «происхождений». Диссертация Миллера должна была произноситься на публичном заседании Академии наук 25 ноября 1749 г. – в восьмую годовщину вступления на престол Елизаветы. В XVIII в. Россия мыслилась как прямой преемник возникшей в IX в. Руси, а самый принцип преемственности – государственной и этнической – почитался определенным достоинством. Пожалуй, только Татищев был относительно индифферентен к этим вопросам, но он стоял вне Академии и не привлекался в качестве эксперта для оценки предполагаемой «речи». Руководство Академии, однако, в полной мере осознавало политическую значимость вопроса и предложило ознакомиться с диссертацией довольно широкому кругу академиков.

Почти все читавшие труд Миллера, в том числе и немецкие члены Академии, высказали более или менее значительные критические замечания в адрес Миллера. При этом все-таки немецкие деятели высказались в пользу норманнского происхождения руси и варягов. П.Н. Крекшин – обладатель большого рукописного собрания и не слишком большого круга знаний – вступился прежде всего за «честь» и величие царствующего дома, начиная счет царей с Владимира Святославича и увязывая в единый генеалогический ряд Рюриковичей и Романовых. Варягов он в соответствии с предшествующей традицией почитал за выходцев из Вагрии, не приводя, впрочем, каких-либо аргументов в пользу этой версии. Решительно возражал против построения Миллера В.К. Тредьяковский, настаивавший на тождестве варягов с балтийскими славянами и показавший, как слова, признававшиеся Миллером за германские, можно с таким же успехом (и так же неосновательно) истолковать как славянские⁴³.

⁴⁰ Г. Миллер. Происхождение имени и народа российского. СПб., 1749. С. 12.

⁴¹ См.: Е.А. Мельникова, В.Я. Петрухин. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX – X вв.) // ВИ. 1989, № 8. С. 25: «И до сих пор, хотя языковеды считают доказанной его скандинавскую этимологию (ссылка на публикации А.И. Попова и Г.А. Хабургаева. – А.К.), время от времени проявляется стремление обосновать любую – кроме скандинавской – его этимологию: готскую, прибалтийско-славянскую, иранскую, кельтскую или иную». В подстрочнике тезис «персонифицируется»: «Как правило, эти попытки предпринимаются исследователями, не имеющими филологической подготовки (см. напр., Кузьмин А.Г. Об этнической природе варягов // Вопросы истории. 1974, № 11). О сути проблемы поговорим ниже. Здесь же заметим, что главный исторический журнал «Вопросы языкознания» филологически подготовленная Е.А. Мельникова, по-видимому, не читала и не знала, что в № 4 за 1980 г. была довольно жесткая статья-рецензия упомянутого автора о книге Г.А. Хабургаева и еще более жесткая критика ее в статье Ф.П. Филина. Е.А. Мельникова отсылает к этой статье и в позднейшем издании (под ее редакцией и предисловием) – «Древняя Русь в свете зарубежных источников». М., 2001. С. 12. Во второй книге статья почему-то названа иначе: «Эволюция названия русь в процессе становления Древнерусского государства».

⁴² П. Милюков. Главные течения русской исторической мысли. Т. I. М., 1898. С. 72.

⁴³ Ср.: В.К. Тредьяковский. Три рассуждения о трех главнейших древностях российских, а именно: 1) о первенстве языка

Таким образом, представление о том, что антинорманизм начинается с выступления М.В. Ломоносова, не вполне точно. Были и иные выступления, причем восстанавливалась привычная, почти само собой разумеющаяся точка зрения (в Синописе она, в частности, таковой и выступает). Но лишь Ломоносов предложил аргументы, которые вошли в прямое столкновение с норманнской концепцией.

Спор вокруг начала Руси, безусловно, способствовал выработке критического отношения к источникам. Ломоносов справедливо упрекал Миллера за одностороннее привлечение иностранных свидетельств и пренебрежение русскими источниками. «Правда, – оговаривался он, – что и в наших летописях не без вымыслов меж правдою, как то у всех древних народов история сперва баснословна, однако правды с баснями вместе выбрасывать не должно, утверждаясь только на одних догадках»⁴⁴. Считая, что Миллер «весьма немного читал российских летописей», Ломоносов упрекал Миллера также в произвольном обращении с иностранными источниками и произвольном толковании имен «в согласие своему мнению».

XVIII в. – время подъема национального самосознания. Ломоносова возмущало, что у Миллера «на всякой странице русских быют, грабят *благополучно*, скандинавы побеждают, разоряют, огнем и мечом истребляют... Сие так чудно, что ежели бы господин Миллер умел изобразить живым штилем, то бы Россию сделал столь бедным народом, каким еще ни один и самый подлый народ ни от какого писателя не представлен»⁴⁵. Ломоносов считает необходимым начинать русскую историю со скифов, находя в этом отношении у Миллера шаг назад по сравнению с Байером, который посвятил специальный этюд происхождению скифов. И дело здесь не в том, что Ломоносов (как некоторые позднейшие авторы, в том числе и нашего времени) связывал славян со скифами этнически. Он исходил из представления, что славяне были соседями скифов, и если римляне, персы и македонцы ничего не могли поделать со скифами, то против славян они оказались несостоятельными.

Миллер название «Русь» связывал с пришельцами-скандинавами и относил его к IX в. Ломоносов настаивал на отождествлении руси с роксаланами (роксоланами) – версия, распространенная в космографиях XV – XVII вв. и неоднократно привлекавшая внимание многих авторов XIX – XX столетий. При этом он допускал явную ошибку, признавая племя славянским народом. Татищев был ближе к истине, когда замечал, что «многих писателей от незнания в погрешность привело, что их за славян почитать, а от них имя Россия неправильно производить начали»⁴⁶. Созвучие здесь, как будет показано ниже, не случайно (в рамках языка алан). С другой стороны, Татищев готов был «подарить» оппонентам «Роксалию» как финское название Швеции (в форме «Ротсалеин», «Россалеин»), усматривая в этом названии след продвижения роксалан на север.

Довольно сложной представлена у Ломоносова картина происхождения варягов. Он отмечает, что летопись называет варягами разные прибалтийские народы, но варяги-русь в летописи занимают особое место. По мнению Ломоносова, они, вернее часть их, происходящая от роксалан, вместе с готами (по Ломоносову тоже славянами) пришли к балтийскому побережью, где язык их испытал влияние старогерманского. Германское и германо-скандинавское влияние сказалось также на отдельных варяжских именах, что явилось следствием постоянных контактов, в частности брачных.

В литературе часто противопоставляются (либо прямо, либо в замаскированной форме) методики немецких ученых и Ломоносова. Противопоставление обычно имеет в виду склонность Байера и его последователей оперировать данными источников, а Ломоносова –

словен перед тевтоническим, 2) о первоначалии россов, 3) о варягах-русах. М., 1773. Автор отождествляет варягов с поморскими (балтийскими) славянами, а Рюрика выводит с острова Рюгена.

⁴⁴ М.В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. 6. М.-Л., 1952. С. 20.

⁴⁵ Там же. С. 21.

⁴⁶ В.Н. Татищев. История Российская... Т. I. С. 282.

общими рассуждениями, нередко эмоционально-патриотического наполнения⁴⁷. Позитивист П.Н. Милюков, естественно, должен был отдать предпочтение Байеру. Естественно, что в построениях позитивистов Байер будет занимать самое почетное место. А между тем «неакадемическая» характеристика Ломоносовым Байера имеет и определенное методологическое значение. «Старается Байер, – говорит Ломоносов, – не столько о исследовании правды, сколько о том, чтобы показать, что он знает много языков и читал много книг. Мне кажется, что он немало походит на некоторого идольского жреца, который, окулив себя беленою и дурманом, и скорым на одной ноге вертением закрутив свою голову, дает сумнительные, темные, непонятные и совсем дикие ответы»⁴⁸. Коэффициент полезного действия каждого факта, каждого привлеченного источника у Ломоносова значительно выше по сравнению не только с Миллером, но и Байером. Здравый смысл подсказывал Ломоносову такие решения, которые прямолинейно из источника как будто не вытекают и которые при формальном педантичном подходе даже и нельзя вывести из источника.

Формальная «ученость» Байера как бы освящала в глазах его норманистских последователей и его домыслы, хотя они никакого отношения к им же приводимым источникам не имели. Ломоносов, в частности, приводит хороший пример «скорого на одной ноге вертения» в совершенно произвольной перестройке Байером русских имен на скандинавский лад. Он находит особенно существенным то обстоятельство, «что на скандинавском языке не имеют сии имена никакого знаменования»⁴⁹, – простой и ясный аргумент, и совершенно бесспорный. Но он лежит за пределами формального жонглирования источниками и фактами. И как это ни странно, и за последующие два с лишним столетия норманисты, обычно кичащиеся своей «ученостью», даже не попытались разрешить этот совершенно прямо и определенно поставленный им вопрос. Попытки этимологизирования отдельных имен (не говоря уже об их натянутости) не меняют общей картины, поскольку достаточным для утверждения норманистской концепции признается простое отыскание параллелей для русских имен в скандинавских. При этом игнорируется и другой указанный Ломоносовым факт: «Почти все россияне имеют ныне имена греческие и еврейские, однако, следует ли из того, чтобы они были греки и евреи и говорили бы по-гречески, или по-еврейски?»⁵⁰

Преимущество Ломоносова перед немецкими академиками заключалось в гораздо более глубоком понимании сущности и связей между явлениями внешнего мира, в стихийном понимании того, что явление, факт не существуют сами по себе вне связи с другими явлениями и фактами. «Немецкая ученость» вместо сколько-нибудь обоснованной теории брала за основу наивный германоцентризм, через призму которого рассматривались и все явления истории славян и руси. И не случайно, что Миллер, признавая неудовлетворительность владения русским языком, считал это и не особенно важным, поскольку русские источники представлялись ему чем-то побочным даже и при изучении русской истории. Что же касается Байера, он принципиально не хотел даже в минимальной степени знакомиться с языком страны, в которую приехал «поднимать» науку.

⁴⁷ Ср.: Н.Л. Рубинштейн. Указ. соч. С. 87 – 92.

⁴⁸ М.В. Ломоносов. Указ. соч. С. 31.

⁴⁹ М.В. Ломоносов. Указ. соч. С. 30 – 31.

⁵⁰ Там же. С. 31.

Ломоносов М.В. (1711 – 1765)

Ломоносов указал и на такой факт «отрицательного» характера: в русском языке практически нет германизмов, что было бы совершенно немыслимо, если бы русь или хотя бы только варяги были германским народом. В последующие два с лишним столетия норманисты пытались найти следы германизмов в русском языке и даже навязали сравнительному языкознанию обязательство искать такие следы: этимология каждого слова должна предусмотреть возможность выведения его из германского. И тем не менее итог оказался весьма неутешительным для норманистов.

С точки зрения логики доказательства интересно и возражение Ломоносова по поводу происхождения названия «Русь» от финского наименования Швеции «Россалейна»⁵¹. Ломоносов находит совершенно невероятным, чтобы «два народа, славяне и варяги, бросив свои прежние имена, назвались новым, не от них происшедшим, но взятым от чухонцев». Миллер ссылаясь на якобы аналогичный пример происхождения названий «Англия» и «Франция», но Ломоносов не без оснований возразил, что «пример англичан и франков, от него здесь при-совокупленный, не в подтверждение его вымысла, но в опровержение служит: ибо там побежденные от победителей имя себе получили. А здесь ни победители от побежденных, ни побежденные от победителей, но все от чухонцев»⁵².

«Руотси» эксплуатировалось норманистами и позднее, и самим финнам пришлось разъяснять, что, собственно, имелось в виду. В середине XIX в. С. Геденов в полемике с А. Куником и М. Погодиным процитировал публикацию финского филолога Паррота, который «руотси» применительно к Швеции объяснил как «страна скал». Но это было определенное

---

⁵¹ Имеется в виду «Рослаген» – область, лежащая на противоположной стороне от Финляндии, но получившая такое название лишь в XIII в. Обращалось внимание и на сохраняющееся до сих пор финское и эстонское названия Швеции – «Руотси»-«Роотси».

⁵² М.В. Ломоносов. Указ. соч. С. 37.

переосмысление, – согласно разъяснению Паррота, «если бы в лексиконе Гунеля, из которого Шлецер приводит переводное имя шведов, он отыскивал настоящее значение слова *Roots*, он конечно бы не вздумал опираться на его созвучие (с *Рослагеном*). Оно вообще обозначает хребет (*Grat*), ребро (*Rippe*), а в особенности ствол (*Staengel*) на листе. Перенесение этого понятия на береговые утесы или скалы (*Scheren*), коими преимущественно изобилует Швеция, делает понятным, почему финны называют Швецию *Ruotsimaa*, а эсты *Rootsima* страну скал, *Scherenland*»⁵³. Современное эстонское «роотс» означает именно «черешок, стебель».

Из позитивного материала Ломоносова имели определенное значение его лингвистические наблюдения, а также данные о «Неманской Руси». Комментируя легенду о призвании Рюрика из Пруссии или «из немец», как сказано в некоторых летописях XV в., Ломоносов обратил внимание на то, что Неман (по Ломоносову, «Немень») в нижнем течении носит название «Руса» (позднее это название сохранилось за одним рукавом Немана). С этой рекой он и связывает варягов-русь, пришедших, по преданию, в Новгород. Полемизируя с Байером, Ломоносов показывает родство литовских (прусского и курляндского) языков со славянскими, а также отождествляет славянский культ Перуна и литовский культ Перкуна. Позднее, в «Древней Российской истории», Ломоносов расширит круг источников и литературы о поморских славянах вообще и о Неманской Руси в частности⁵⁴.

В числе первых норманистов обычно называют и А. Шлецера (1735 – 1809). Действительно, Шлецер внес значительный вклад в систематизацию концепции норманизма, попытавшись укрепить ее фундамент за счет русской летописи. Но следует иметь в виду и некоторые его важные отступления от норманизма, за которые позднейшие норманисты его упрекали. В самом начале занятий русской историей (А. Шлецер жил в России с 1761 по 1769 г.) он отдал дань «хазарской» версии происхождения Руси, мимоходом высказанной М.М. Щербатовым (1733 – 1790). И позднее Шлецер только одной стороной поддерживал норманизм. Воссоздавая «очищенного Нестора», Шлецер видел особую заслугу предполагаемого первоначального русского летописца в том, что он якобы «говорит только о диких и порознь живущих небольших народах, а не о царствах»⁵⁵. Авторитетом Нестора Шлецер настойчиво стремился укрепить тезис о том, что до призвания германоязычных варягов-русов не было на Руси и Русского государства, а следовательно, и русской истории в полном смысле этого слова. «Никто не может более печатать, – категорически и самоуверенно заявлял Шлецер, – что Русь задолго до Рюрика пришествия называлась уже Русью»⁵⁶. Но Шлецер же дал основания и для противоположного мнения: «Россы, осаждавшие в 866 г. Константинополь, – полагал он, – никак не могут быть Осколдовыми Руссами. Первые составляли великий, сильный, завоевательный и давно уже известный народ, приводивший в ужас все берега Черного моря»⁵⁷. Шлецер настойчиво (и в этом он прав) подчеркивает, что «это – особенный народ, неизвестная орда варваров, вероятно, народ прибрежный, показавшийся на Западе и исчезнувший»⁵⁸. Он думает, что «простое сходство в названии Рос и Рус обмануло и почтенного Нестора»⁵⁹.

Шлецер имел исключительный успех в последующей позитивистской традиции. Позитивисты не без основания видели в нем своеобразного предшественника, а А.А. Шахматов свои

⁵³ С. Геденов. Отрывки исследований о варяжском вопросе // Приложение к I т. Записок имп. Академии наук. СПб., 1862, № 3. С. 16 – 17.

⁵⁴ М.В. Ломоносов. Указ. соч. С. 183 – 187, 203 – 216. Автор дает, между прочим, отсылки на работы начала XVIII в. «берлинских ученых людей», а также на автора XVI в. Вейселя (Хроника старопрусской, лифляндской и курляндской истории. Кенигсберг. 1599).

⁵⁵ А. Шлецер. Нестор. Т. I. СПб., 1809. Предупреждение. С. XXIII.

⁵⁶ Там же. С. XXVIII.

⁵⁷ Там же. Т. II. СПб., 1816. С. 107.

⁵⁸ А. Шлецер. Нестор. Т. II. С. 109.

⁵⁹ Там же. С. 114. Шлецер посвящает целый ряд страниц (С. 86 – 117) доказательству различия русов и россов.

«Разыскания о древнейших русских сводах» рассматривал как прямое продолжение дела, начатого «великим Шлецером»⁶⁰. И уже в сравнительно недавнее время Н.Л. Рубинштейн видел особую заслугу Шлецера в требовании «точности научного исторического метода, ... точности доказательства каждого своего положения»⁶¹. Он положительно оценивал «три этапа критического изучения», предложенные Шлецером: 1. «Что Нестор писал» (т. н. «малая критика»), 2. «Что он под сим разумел», и, наконец, 3. «Правильная ли его мысль» (т. е. «высшая критика»)⁶². Автор находит у Шлецера «уже современный принцип сличения и систематизации списков по так называемым фамилиям списков и путь к установлению их взаимоотношения, их генеалогии, дающей необходимую научную основу для их сличения и внутренней критики»⁶³.

Н.Л. Рубинштейн, как, впрочем, и очень многие его предшественники, находил, что «дело Шлецера – критика текста». А «задачи «высшей критики» оказались в основном за рамками работы Шлецера»⁶⁴. Между тем Шлецер мог бы послужить хорошим примером для иллюстрации несостоятельности в принципе такого пути исследования, несовместимости его с требованием «точности научности исторического метода». Уже ученые первой половины XIX в. находили несостоятельными исходные посылки Шлецера, поскольку стало ясно, что «разнословия летописей не зависят только от одних ошибок переписчиков, но вместе с тем от известных мнений сочинителей современников»⁶⁵. А в конце столетия П.Н. Милюков, объясняя неудачу Шлецера в восстановлении «очищенного Нестора», должен был заметить, что «чистого Нестора не существовало: наши списки суть уже сборники частью из различных, частью из одних и тех же составных частей в разных сочетаниях и с разную степенью полноты»⁶⁶. Приверженец позитивизма П.Н. Милюков полагал, что все дело только в неудачной исходной посылке. Между тем исходная посылка и не может быть правильной при таком поэтапном подходе, который рекомендуется позитивизмом. Ведь для того, чтобы понять, например, что такое летописи, необходим был опыт двух столетий. То же самое относится к другим источникам. И, конечно, не может быть речи об успешном «восстановлении» какого-либо текста, даже об элементарном прочтении его без привлечения того, что может дать только т. н. «высшая критика».

Насколько несостоятельно отделение «малой» критики от «высшей», видно хотя бы из примера объяснения Шлецером судьбы причерноморских россов. Его не смущает то обстоятельство, что «великий, сильный, завоевательный и давно уже известный народ» вдруг внезапно исчезает уже в историческое время, после того, как он заявил о своем существовании большими походами на Византию. С Ломоносовым необязательно было соглашаться, когда он утверждал, что такой большой народ, как роксаланы, не мог исчезнуть бесследно, поскольку речь все-таки шла о довольно отдаленных временах (первых веках н. э.). Но, во всяком случае, методически Ломоносов прав: если большой народ существовал, то необходимо представить, куда он исчез, если многочисленный народ вторгается на данную территорию, то должен возникнуть вопрос: откуда и почему он переселяется? Закон сохранения вещества, открытый Ломоносовым, не так уж бессмысленен и в исторической науке.

Попытка Шлецера противопоставить русов и росов с языковой точки зрения, конечно, не может быть убедительной. На это обстоятельство неоднократно обращали внимание. Зато представление о двойственной природе «Руси», о наличии такового этнонима и в Прибалтике, и в Причерноморье неоднократно привлекало к себе внимание впоследствии, побуждая возвращаться к свидетельству восточных источников о «двух видах» и «трех группах» русов.

⁶⁰ А.А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 111.

⁶¹ Н.Л. Рубинштейн. Указ. соч. С. 155.

⁶² Там же. С. 160 – 161.

⁶³ Там же. С. 161.

⁶⁴ Там же. С. 164.

⁶⁵ А. Попов. Шлецер. Рассуждение о русской историографии. М., 1847. С. 31.

⁶⁶ П.Н. Милюков. Главные течения... С. 112.

Здесь, во всяком случае, мы имеем дело с фактами, противоречивость которых невозможно ни устранить, ни объяснить с помощью т. н. «критики текста». Вместе с тем это именно факты, которые не могут быть просто отброшены как несоответствующие какой-либо концепции.

Первыми оппонентами Шлецера были Й. Добровский и Г. Эверс. Выдающийся славист Й. Добровский критиковал Шлецера за недостаточное знание славянских языков и за бессистемность операции «очищения» летописи. Именно Й. Добровский предложил тот путь, который иногда не вполне основательно находят у Шлецера⁶⁷. Но он исходил из того же ошибочного представления о летописях, что и Шлецер, а потому его рекомендации имели ограниченное значение. Гораздо глубже предмет исследования понимал другой оппонент Шлецера – Г. Эверс.

Если Шлецер был немцем и работал, по замечанию П.Н. Милокова, для Германии, то Г. Эверс (1781 – 1830), будучи немцем, работал для России и являлся в полной мере русским ученым. Эверс был одним из сравнительно немногих историков, кто стремился создать цельную концепцию и процесса исторического развития, и процесса познания. И не случайно С.М. Соловьев отмечал позднее, что именно Эверс заставил его «думать над русской историей»⁶⁸. Эверс считал себя учеником и последователем Шлецера, но это были скорее комплиментарные декларации, поскольку он фактически отверг все построения Шлецера как общеисторические, так и методологические. Эверс видел в работе Шлецера неоднократные свидетельства того, как «простирают исторические предположения за пределы данного основания»⁶⁹. «Истинная история, – настаивал он, – должна признаться, что на важный вопрос... она не может отвечать с точностью до тех пор, пока не получит точку, с коей можно будет ей смотреть на происшествия того времени»⁷⁰. Такой «точкой», конечно, не мог быть любой отдельно взятый источник. И в этом отношении «здравый смысл» Эверса стоял выше позитивизма, но и найти «точку опоры» он не сумел, поскольку не мог преодолеть влияния как раз отрицательных, агностицистских элементов философии почитаемого им Канта⁷¹.

Скептицизм в отношении возможностей познания заключался, между прочим, в том, что Эверс сомневался в возможности установить действительные причины возникновения государства, которое ему представлялось вообще результатом естественного развития. Но у него вполне было достаточно и материала, и представлений о характере процесса возникновения государств, чтобы решительно отвергнуть априорный взгляд норманистов об этом процессе как о некоем моментальном акте, связанном с утверждением династии. «Рюриково самодержавие было неважно», – полагал Эверс, поскольку государство здесь «существовало и словом и делом до единогодержавия Рюрика»⁷². Для него «призвание» Рюрика было лишь эпизодом, одним из обычных приглашений наемных отрядов викингов. Основная же линия развития проходила, в его представлении, на юге Руси. Именно на юге, в Причерноморье, обитал народ «рос» или «рус», который и дал начало Русскому государству. Поначалу этот народ он склонен был связывать с хазарами, а затем рассматривал как особый причерноморский народ⁷³.

⁶⁷ Ср.: А.Г. Кузьмин. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань. 1969. С. 7. Его же: Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1967. С. 27 – 29.

⁶⁸ С.М. Соловьев. Записки. «Прометей» (б.г., б.м.). С. 60.

⁶⁹ Г. Эверс. Предварительные критические исследования для российской истории. Кн.1, М., 1825. С. 79.

⁷⁰ Г. Эверс. Предварительные критические исследования... С. 56.

⁷¹ Ср.: В.И. Шевцов. Густав Эверс и русская историография // ВИ. 1975, № 3. С. 61, 65.

⁷² Г. Эверс. Указ соч. С. 83, 84.

⁷³ Теория хазарского или причерноморского происхождения Руси принадлежит собственно не Эверсу, а профессору Дерптского университета И.Г. Нейману. Характеристику концепции в целом см.: В.И. Шевцов. Происхождение русской государственности в сочинениях Густава Эверса // Вопросы историографии и источниковедения всеобщей истории. Днепропетровск. 1970.

Эверс находил, что «естественнее искать русов при Руском море, нежели при Варяжском»⁷⁴. Он мобилизовал и определенный материал в доказательство этого положения. Впоследствии эти материалы будут всплывать составными частями отдельных антинорманистских концепций, хотя в целом построение Эверса не было принято наукой. Зато аргументация Эверса против норманизма оказалась весьма действенной, сохраняясь в арсенале антинорманизма вплоть до наших дней (впрочем, не всегда с указанием на источник). По многим вопросам Эверс, в сущности, поддержал и развил критические замечания Ломоносова. Так, он отверг германо-скандинавское толкование имен договоров. Он отметил, в частности, что их истинное написание нам неизвестно. Главное же, на чем он делал акцент в чисто исследовательском плане, – это реальный вес данного аргумента. «Если бы скандинавское происхождение русов, – говорит он, – было доказано другими доказательствами, то следовало бы признать правильными те, кои звучат наияснее по-скандинавски»⁷⁵. Точно таким же путем он отвергает норманистское истолкование днепровских порогов у Константина Багрянородного⁷⁶. По Эверсу, Дурич столь же успешно, как Тунман из скандинавского, объясняет «русские» наименования порогов из славянского, Болтин – из венгерского и кто-то может объяснить из мексиканского. Вслед за Ломоносовым Эверс подчеркивает, что «германских слов очень мало в русском языке»⁷⁷. При этом оказывается, что за исключением «ладыи» все названия судов русь заимствовала у греков (а не у скандинавов, как должно было быть, если бы русь была скандинавским племенем). Не видит никаких следов параллелей для сказания о призвании варягов Эверс и в собственно скандинавских источниках, в частности в исландских сагах. В то же время Эверс впервые широко привлекает восточные источники, которые дают ему некоторый материал для локализации Руси в Причерноморье.

Несмотря на весомые аргументы против норманизма и большое уважение к Эверсу как ученому, идея «Причерноморской Руси» не получила сколько-нибудь заметного влияния в исторической науке. Эверс все-таки оказался более убедительным в критической части своих рассуждений, а позитивная часть была им лишь слабо намечена. К тому же колоссальную поддержку норманизму оказал официальный историограф начала XIX в. Н.М. Карамзин. Для Карамзина, как и для многих норманистов, сам факт наличия неславянских имен в княжеской династии и социальной верхушке древнерусского общества являлся аргументом в пользу именно Скандинавии. Даже признав существование Неманской Руси и производя самое название «Пруссия» от реки Руса («порусье», по аналогии с «поморьем»), он не только не ставил под сомнение основные аргументы норманизма, но и Неманскую Русь представлял лишь как колонию норманнов⁷⁸.

Большой урон построениям Эверса нанес также Каченовский. Теорию южного происхождения и южнобалтийской природы варягов М.Т. Каченовский (1775 – 1842) попытался использовать как доказательство подложности или позднего (не ранее XIII – XIV вв.) происхождения русских летописей и других письменных памятников. Весь киевский период истории Руси ему представлялся «баснословным», а основание Новгорода как колонии балтийских славян, он относил ко времени не ранее XII в. В итоге для П. Буткова, например, «оборона» русской летописи сливалась с защитой тезиса о принадлежности ее печерскому монаху Нестору и норманистской интерпретации раздела, говорящего о возникновении государства⁷⁹.

⁷⁴ Г. Эверс. Указ соч. Кн. 2. М., 1826. С. 205.

⁷⁵ Г. Эверс. Предварительные критические исследования... Кн. 1. С. 72.

⁷⁶ Там же. С. 134 – 139.

⁷⁷ Там же. С. 138. Норманистское истолкование названий днепровских порогов дал именно И. Тунман. Байер ограничился констатацией факта различия «русских» и славянских названий порогов, не видя удовлетворительных германских (или скандинавских) объяснений неславянским наименованиям.

⁷⁸ Н.М. Карамзин. История государства Российского. Т. 7. СПб., 1852 (Примечания к Т. 1 – 3.) С. 78 – 79.

⁷⁹ П. Бутков. Оборона летописи русской, Нестеровой от навета скептиков. СПб., 1840. С. 68 – 95.

На борьбе со «скептическими ересями» укрепилась и норманистская вера М.П. Погодина (1800 – 1875). Норманизм Погодина выглядел тем более убедительным, что он начинал как антинорманист и принял норманизм якобы под давлением аргументов, вопреки антинорманистским «патриотическим» настроениям. Погодин являлся главным столпом норманизма на протяжении почти полувека с тридцатых до семидесятых годов XIX столетия. Но среди его противников находились и куда более основательные исследователи, чем Каченовский, и, нужно отдать должное Погодину, он не стремился слепо цепляться за каждое норманистское положение, уступая напору фактов.

К 30-м гг. XIX в. относятся и антинорманистские выступления Ю. Венелина (1802 – 1839). Талантливый славист, скончавшийся едва начав научную деятельность, уступал многим норманистам в эрудиции, зато мало кто из современников Венелина обладал таким критическим чутьем, умением обнажить слабые стороны аргументации оппонентов. Летописные тексты заставляли Венелина искать варягов на южном побережье Балтики, откуда, по его мнению, вообще происходило славянское заселение русского северо-запада. Венелин собрал также сведения восточных авторов о варягах, находя и в них доказательство южнобалтийского происхождения этого народа⁸⁰.

Во второй четверти XIX столетия на связь южнобалтийского побережья со славянской колонизацией русского северо-запада и возникновением государственности в Новгороде указывали так или иначе С. Руссов, М.А. Максимович, И. Боричевский⁸¹. Последний автор мобилизовал значительный документальный материал о Неманской Руси. В 1842 г. появилась большая работа Ф.Л. Морошкина, в которой давалась наиболее полная к тому времени сводка известий о Руси на южнобалтийском побережье (в районе Немана и острова Рюгена)⁸². Несколько ранее Ф. Крузе подобного рода известия попытался истолковать как свидетельство господства германоязычных норманнов на южных берегах Балтики и Северного моря⁸³. С 40-х гг. со статьями норманистского содержания начал выступать также А. Куник (1814 – 1903).

⁸⁰ Ю. Венелин. Скандинавомания и ее поклонники. М., 1842; его же: О нашествии завислянских славян на Русь до Рюриковых времен. М., 1848 (отт. из ЧМОИДР. Т.6); его же: Известия о варягах арабских писателей и злоупотребление в истолковании оных. М., 1870 (отт. из ЧМОИДР, Кн. 4). Впервые с критикой норманизма Ю. Венелин выступил еще в конце 20-х гг., первое издание «Скандинавомании...» вышло в 1836 году.

⁸¹ С. Руссов. Письмо о Россиях, бывших некогда вне нынешней нашей России // ОЗ, ч.30 и 31. М., 1827; его же: О древностях России, новые толки и разбор их. СПб., 1836. М.А. Максимович. Откуда идет русская земля. По сказаниям Несторовой повести и по другим старинным писаниям русским. Киев, 1837. И. Боричевский. Русы на южном берегу Балтийского моря // Маяк, ч. VII. СПб., 1840. Известный славист О. Бодянский также считал варягов балтийскими славянами, а русь, вслед за Эверсом и Нейманом, связывал с хазарами.

⁸² Ф.Л. Морошкин. Историко-критические исследования о русах и славянах. СПб., 1842. Книге предшествовал ряд статей, вышедших в 30-х гг.

⁸³ Ф. Крузе. О пределах Нормании и названии норманнов и русов // ЖМНП, ч. XXI. 1838. Ср.: его же: Происходят ли русы от венеков и именно от ругов, обитавших в Северной Германии? // ЖМНП, ч. XXXIX. 1843.

Венелин Ю.И. (1802 – 1839)

Главным столпом норманизма в этот период оставался, однако, М.П. Погодин. Именно Погодин прежде всего выступил против «новой ереси» Н.И. Костомарова (1817 – 1885), доказывавшего неманское («жмудское») происхождение Руси⁸⁴. Однако в ходе полемики норманизм Погодина претерпевал такие изменения, что аналогичные взгляды в наше время многие авторы не склонны считать норманистскими. «Главное, существенное в этом происшествии, относительно к происхождению Русского государства, – полагал Погодин, – есть не Новгород, а лицо Рюрика, как родоначальника династии. ...Младенец Рюриков, Игорь, – поясняет эту мысль Погодин, – с его дружиной, есть единственный ингредиент в составлении государства, тонкая нить, которою оно соединяется с последующими происшествиями. Все прочее перешло, не оставив следа. Если бы не было Игоря, то об этом северном эпизоде почти не пришлось бы, может быть, говорить в русской истории, или только мимоходом»⁸⁵. Иными словами, норманнское участие в сложении Древнерусского государства сводится у Погодина к происхождению династии. Развитие же русского общества в целом от прибытия норманнов никак не

---

⁸⁴ Н.И. Костомаров. Заметка на возражения о происхождении Руси // Современник. Т. 80, 1860, № 4. Его же. Последнее слово г. Погодину о жмудском происхождении первых русских князей // Современник. Т. 81, 1860, № 5. Устный диспут состоялся в 1859 году.

⁸⁵ М. Погодин. Норманнский период русской истории. М., 1859. С. 138.

зависело. С другой стороны, Погодин должен был согласиться с фактом существования Руси на южном берегу Балтики, хотя и склонен был объяснять природу этой Руси через призму норманистских представлений⁸⁶.

Выступление Костомарова имело довольно широкий резонанс. На него, в частности, обратил внимание Н.Г. Чернышевский. Но сам Костомаров скоро как будто охладил к своей идее, во всяком случае, он в дальнейшем к этому вопросу больше не обращался. Гораздо большие последствия для судеб обоих направлений имело исследование С. Гедеонова (1818 – 1878), вышедшее в 1862 г. под названием «Отрывки исследований о варяжском вопросе», а затем, в 1876 г., в переработанном виде, в качестве капитальной монографии «Варяги и Русь». Работа Гедеонова остается до сих пор непревзойденной по объему привлеченного материала, достаточно интересна она и по методу, хотя именно с этой стороны ее по сей день пытаются принизить некоторые норманисты-позитивисты.

Некоторые положения, не укладывающиеся в русло академического позитивизма, Гедеонов изложил уже в предисловии. Книга, замечает он здесь, «прежде всего протест против мнимонорманнского происхождения Руси». Предвидя возможность упрека в предвзятости из-за «патриотических побуждений», Гедеонов оговаривается: «Не суетное, хотя и понятное чувство народности легло в основание этому протесту; он вызван и полным убеждением в правоте самого дела, и чисто практическими требованиями доведенной до безвыходного положения русской науки. Полустолетний опыт доказал, что при догмате скандинавского начала русского государства научная разработка древнейшей русской истории немыслима»⁸⁷. Гедеонов видел главную причину своеобразного тупика, в который зашла академическая наука по вопросу о начале Руси, именно в том, что «неумолимое норманнское veto тяготеет над разъяснением какого бы то ни было остатка нашей родной страны». Между тем, уже главный источник по обсуждаемым вопросам, летопись, является, по Гедеонову, «живым протестом народного русского духа против систематического онемечения Руси»⁸⁸.

В работе Гедеонова в гораздо большей мере, чем у Эверса или Венелина, заметно, как здравый смысл разрывает узкие позитивистские рамки «строгой» «немецкой учености» его оппонентов норманистов. Уже в цитированных положениях устанавливается такой характер связи причин и следствий, которые и до сих пор оказываются вне поля зрения самых «строгих» норманистов. Взаимосвязь, взаимообусловленность явлений, учет *направленности* процессов – все это намного расширяло и фактическую базу исследования, и арсенал познавательных средств. Но Гедеонов не сформулировал (да, видимо, и не осмыслил) своих исследовательских принципов. А для многих его будущих оппонентов самая сильная сторона его научного мышления казалась проявлением дилетантизма, отсутствием академической школы.

Весьма убедительно разрушив многие норманистские представления, Гедеонов оказался, однако, менее доказательным в построении своей положительной схемы. Он пошел по пути совершенного разделения руси и варягов. Русь ему представлялась коренным населением Приднепровья, а варяги – балтийскими славянами. Династию киевских князей он выводил именно от славян-вендов – балтийских славян. Отождествление варягов и руси Гедеонов объяснял «ученой системой» предполагаемого автора «Повести временных лет» – Нестора. Он видел в летописи «не факты, а представление, какое монах XI – XII столетий себе составил об устройстве словено-русского общества в эпоху мифической древности»⁸⁹. «Сухость известий, а иногда и умышленное его молчание о княжеских родах до варягов, – полагал Гедеонов, – понятны; новая династия боялась воспоминаний и переворотов. Как у подозрительных греков, так и у

⁸⁶ М. Погодин. Борьба не на жизнь, а на смерть с новыми историческими ересями. М., 1876. С. 156, 390.

⁸⁷ С. Гедеонов. Варяги и Русь. СПб., 1876. ч. 1 – 2 (пагинация частей единая). С. V – VI.

⁸⁸ Там же. С. VII, IX.

⁸⁹ С. Гедеонов. Варяги и Русь. С. 105, 106.

нас не терпели князей из чужого рода... Из благочестия Нестор молчит о язычестве, из осторожности о прежних князьях, о судьбе, постигшей Мала и древлянский княжеский род после Ольгиной мести, и пр. Предание о Вадиме, о восстании новгородцев дошло до нас только в одном, позднейшем списке летописи»⁹⁰.

Даже полстолетия спустя А.А. Шахматов будет считать общественную среду, в которой возникали летописные сочинения, «недоступными» для нашего понимания⁹¹. «Неученый» Гедеонов не знал о таких непреходимых гранях между знанием и незнанием, которые приносили в науку позитивизм и неокантианство. Он пытался увидеть за летописными строками не только то, что написано, но и то, о чем и почему умолчано. И если его конкретные соображения могут оказаться спорными (особенно потому, что сводного характера летописей он не учитывал), то сам принцип исследования – не только от текста к реальности, но и от реальности к тексту – был, безусловно, плодотворным.

Гедеонов убедительно показал, насколько далеким от истины может быть прямолинейное толкование источника, сколь многими факторами обуславливается каждое утверждение или отрицание древнего автора. Но он не сумел с равной мерой критичности отнестись к собственным построениям: «...являясь самым опасным врагом норманнской системы, – не без оснований писал в этой связи Ф. Фортинский, – Гедеонов, по нашему мнению, оказывается не особенно осмотрительным при постройке своей собственной»⁹². Фортинский относил к существенным недостаткам построения Гедеонова то обстоятельство, что необъясненным остался факт превращения варягов в норманнов, а также сохранение в Византии названия «варанги» вместо «викинги»⁹³. Явно недостаточными были и этимологические экскурсы.

Насколько серьезным оказался удар, нанесенный Гедеоновым норманизму, показали выступления с возражениями ему двух главных столпов норманизма – М.П. Погодина и А.А. Куника. Если сопоставить аргументы того и другого, то окажется, что из суммы их почти набирается концепция... Гедеонова. Погодин считал главным недостатком построения Гедеонова его взгляд на летопись. По его мнению, Гедеонов «смотрит на летопись неверно. Нестор представляется ему сочинителем, воспитанником византийцев, с полуучеными затеями, который не только имеет, но и составляет систему, соображает, очищает дошедшие до него сведения, связывает разнородные показания, изобретает средние члены и т. д.». «Совсем не так! – патетически возражает Погодин. – Нестор есть простой русский человек, со здравым смыслом, какие и теперь встречаются часто в простонародье, толковый человек, грамотный, но не грамотей, не краснобаи. Он описывает, по выражению Пушкина: не мудрствуя лукаво...» По мнению Погодина, «приписывать киевскому монаху XI столетия, поступившему в монастырь 17 лет от роду, какое-нибудь желание провести свою любимую мысль – ни с чем не сообразно»⁹⁴. Куник также признал вопрос о способности Нестора создавать систему главным. Но он решил его в прямо противоположном смысле, нежели Погодин. «Не могу, – сразу определяет свою позицию Куник, – не заподозрить почтенного составителя летописного сборника в некоторой склонности к произвольной систематике; но покуда не могу и вполне согласиться с г. Гедеоновым, будто бы Нестор, или тот, кому должно приписывать последнюю редакцию древнейшей Киевской летописи, искусственно проводит в сказании о происхождении Варяго-Руссов ученую систему»⁹⁵. Куник с бесспорностью обнаруживает такую «систему» в рассказе о расселе-

⁹⁰ Там же. С. 125 – 126.

⁹¹ А.А. Шахматов. Отзыв о сочинении С.К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище» // Отчет о XII присуждении премии митр. Макария. СПб., 1910. С. 84 – 85.

⁹² Ф. Фортинский. Варяги и Русь. Историческое исследование С. Гедеонова. СПб., 1878 (отд. отт.). С. 47.

⁹³ Там же. С. 44.

⁹⁴ М. Погодин. Г. Гедеонов и его система о происхождении варягов и руси // ЗАН. Т. VI. Приложение № 2. СПб., 1864. С. 4 – 5.

⁹⁵ А. Куник. Замечания. Там же. С. 53.

нии славян, а потому полагает, что «вовсе не странно предполагать искусственную систему и в его сказаниях о Варяго-Руссах». Но он считает, что «доказать это осязательно было бы очень трудно»⁹⁶.

Таким образом, в главном Куник согласился не с Погодиным, а с Гедеоновым. Что же касается самого фактического материала, на котором строилась норманнская система, то Погодин проявил значительно меньше уверенности в его доказательности, чем Куник. В этой части Погодин оказался склонным идти очень далеко навстречу Гедеонову. Он напоминает свои прежние мимоходом сделанные допущения, не исключая какого-то общего или сходного в основных чертах подхода: «...мы искали, – говорит он, – и указывали на норманство между славянами; г. Гедеонов находит славянство в норманнах. Читая внимательно его исследования, не соглашаясь со многими утверждениями, чувствуешь однакожь невольное присутствие славянского участия, короткое знакомство и тесную связь между племенами славянскими и готскими, по близкому их соседству между собою»⁹⁷. Говоря о смешанном (датском и славянском) населении «Вагирской провинции», Погодин ранее сделал допущение, что «чуть ли не в этом углу Варяжского моря заключается ключ к тайне происхождения варягов и руси». Погодин полагал, что «если б, кажется, одно слово сорвалось еще с языка у Гельмольда, то все б нам стало ясно». Теперь, признает он, «это слово если не нашел, то, кажется, с успехом ищет Г. Гедеонов, и ловит некоторые звуки. Найди он это слово, и последует всеобщее примирение живых и мертвых, покойных и непокойных исследователей происхождения Руси, норманистов и славистов»⁹⁸.

Погодин М.П. (1800 – 1875)

⁹⁶ Там же. С. 57 – 58.

⁹⁷ М. Погодин. Г. Гедеонов и его система.... С. 1 – 2.

⁹⁸ Там же. С. 2.

Хотя «слово», о котором говорит Погодин, в данном случае символизирует убедительность всей концепции, сама убедительность в представлении Погодина должна была опираться на прямое чтение источника. Уступая Гедеонову, Погодин соглашается с тем, что название «Русь» нельзя производить ни от финского «*ruotsi*», ни от шведских «родсов»⁹⁹. Но он считает возможным опираться на «Нестора», пользуясь тем, что Гедеонов, в сущности, без какого-либо сомнения отдал летопись норманистам – признал норманистом самого предполагаемого составителя первоначальной летописи.

---

⁹⁹ Там же. С. 6.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.